

Елизавета Дворецкая

ЛЕС НА ТОЙ СТОРОНЕ

Лес на Той Стороне

Елизавета Дворецкая

Лес на той стороне

«Автор»

2006

Дворецкая Е. А.

Лес на той стороне / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2006 — (Лес на Той Стороне)

ISBN 5-9717-0344-7

Начало IX века. До прихода Рюрика на Русь еще тридцать лет. Безвестным воином покидает Смоленск Зимобор, сын умершего князя Велебора, чтобы в чужой земле искать себе доли. Дева Будущего, младшая из трех богинь судьбы, дарит Зимобору способность всегда одерживать победу. Но взамен она требует любви и верности. Схватки с нечистой в глухих лесах, поиск пути в город злобных волхид, служба в дружине полоцкого князя, морская битва с варяжским конунгом, новые друзья, союзники и... новая любовь?

ISBN 5-9717-0344-7

© Дворецкая Е. А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елизавета Дворецкая

Золотой сокол

Автор выражает благодарность московским клубам исторической реконструкции «Наследие Предков» и «Ратобор», опыт и дружинный эпос которых значительно украсили это произведение.

Пролог

Была глухая осенняя ночь, город спал, и только в новой бане в углу княжьего двора горели два небольших масляных светильника, поставленные на лавку. Повитуха задремала на овчине, устав после суточного бодрствования и нелегких трудов. Новорожденный, завернутый в старую отцовскую рубаху и крест-накрест перевязанный поясом, лежал рядом с матерью. Впервые за сутки здесь стихли шаги и голоса, прекратился скрип дверей и плеск воды.

Пламя двух фитильков почти не разгоняло мрак, только на бревенчатых стенах шевелились тени. Женщина засыпала, и сквозь дрему ей мерещились звездные бездны небес, распахнутые над низкой крышей, близко-близко. Из открытых Врат к ее сыну спускались три вещие гости, и звездная пыль искрилась на их белых покрывалах. Первая, согнутая старуха с морщинистым доброжелательным лицом, улыбалась младенцу, приветствуя его появление на свет. В натруженных руках она держала кудель и готовилась тянуть из нее нитку. Вторая, средних лет, принесла веретено, чтобы мотать на него старухину нить, и с добрым сочувствием глядела на молодую мать. А третья, совсем юная девушка с беспечным, дерзким, лукавым лицом, смотрела вызывающе, насмешливо и повелительно. В ее власти – будущее, а в руках поблескивают железные ножницы, которые она пустит в ход сию минуту или через семьдесят лет – как пожелает...

Смоленск, 830 год

Глава первая

С самого утра никто не ожидал важных новостей, тем более таких печальных. Накануне полохский староста Русак праздновал рождение долгожданного сына: у него было уже шесть дочерей, и вот наконец-то три вещие вилы, достающие младенческие души из облачного колодца Макоши, извлекли для него мальчика! Незадолго до рассвета Русакова мать, исполнявшая обязанности повитухи, вышла из бани, поклонилась на восток и протяжно закричала, чтобы слышали небо и земля:

– Вот родился у волчицы волчонок, людям на радость, себе на здоровье!

И староста, услышав ее голос, тут же свесился с крыльца, восклицая:

– Ну, что там, что?

Его пояс и рубаху – завернуть новорожденного – приготовили заранее, но Русак, услышав долгожданное «сын!», то и другое стянул прямо с себя и поскорее сунул в руки прибежавшей женщине, словно боялся, как бы Макошь в последний миг не передумала и не подсунула ему седьмую дочь!¹

В первые три дня никому, кроме повитухи, не полагалось видеть роженицу или новорожденного. Даже близко подходить к бане, где они оставались втроем, не следовало, и Русак изнывал от нетерпения, не в силах дожидаться минуты, когда наконец сам сможет убедиться в своем счастье.

На радостях он тут же закатил пир, тем более что в гостях у него в эти дни были все трое детей смоленского князя Велебора. Пива пока еще варить было не из чего – ячменя едва хватало на посев, – но браги, приготовленной на березовом соке, было сколько угодно: белых древесных «коров» с черными отметинами на шкурах в лесах вокруг большого села Полоха, где правил Русак, имелось бесчечно. В Днепре наловили рыбы, а старший княжич Зимобор подарил хозяину одну из добытых лосиных туш. Пир удался на славу – смоленские кмети, родичи и домочадцы Русака, соседи весь вечер и полночи пили, пели, даже плясали, оглашая свежую весеннюю ночь хмельными и радостными голосами.

– Ты его как назовешь? – приставал к счастливому отцу младший Велеборов сын, Буяр. – Назови его – Смог!

– Лучше – Наконец! – предлагал один из его кметей, Прибыток, поддерживая княжича, который от пьяного хохота почти валился на стол.

Но Русак не обижался, а только, найдя пьяным взглядом какую-либо из сновавших вокруг женщин, размягшим от радости голосом допрашивал:

– Сын? Нет, ты мне скажи, верно – сын?

Княжна Избрана во всем этом буйстве участия не принимала, но оба ее брата с дружиной гуляли почти до утра. Сюда, в Полох, отстоявший от Смоленска, столицы днепровских кривичей-смолян², на два дневных перехода, они приехали поохотиться. После долгой голодной зимы вся дичь в ближних лесах была повыбита, а здесь, в огромном Дивьем бору, паслось немало лосей. Уже вчера охотники привезли на Русаков двор шесть убитых быков, и весь вечер челядь возилась, разделывая туши.

Погуляли хорошо – давно так не случалось. Даже сам Секач, кормилец младшего княжича Буяра, упившись Русаковой брагой, плясал посреди клетки и диким голосом пел «Купался Полель, да в воду упал», топча сапогами осколки глиняной миски. Стоянка, девушка из мест-

¹ Что любопытно, в древности обычай требовал сразу после рождения завернуть ребенка в рубашку родителя соответствующего пола, а иначе пол ребенка может измениться уже после рождения, если его не «привязать».

² В памятниках раннего средневековья упоминаются три племенные группы с похожими названиями, одна из которых, по мнению исследователей, поселилась в верховьях Днепра в районе Смоленска.

ных, пробежала мимо с кувшином, стараясь обойти пляшущего боярина, споткнулась и упала прямо на Зимобора. Он поймал ее и посадил к себе на колени, и она не стала возражать – красивый старший княжич ей нравился, и она уже второй день поглядывала на него, улыбаясь глазами и будто бы чего-то ожидая. Буяр, весь красный и взмокший, все норовил схватить Стоянку за плечо и пьяно орал на весь дом:

– Брось его, иди лучше ко мне! Он порченый! У него невеста покойница, ко всем его девкам по ночам приходит и душит!

– Сам ты порченый, вяз червленый тебе в ухо! – кричал в ответ Зимобор, отталкивая от девушки загребушие руки младшего брата. – Отвяжись! А то я тебя так испорчу, тебе вообще больше девки не понадобятся! Ты не бойся! – утешал он Стоянку, обнимая и не давая соскользнуть со своих колен. – Она уже семь лет как умерла, этой весной как раз семь лет, срок вышел, она теперь уймется, больше не будет ходить!

Буяр, обидевшись, полез было разбираться, но толкнул кого-то из гостей, залил кому-то праздничную рубаху брагой, и двое молодых и гордых полохских парней посчитали, что это непорядок. Крепко взяв Буяра за белые руки, они подтащили его к бочонку и хотели было макнуть, но оказалось, что браги осталось всего на доньшке, и Буяру только замочили русский чуб. Тогда Дедилей остался держать жертву, а Оленец собрал со всех кубков и кувшинов остатки браги, вылил опять в бочонок, и тогда уж они макнули Буяра от души. Неудивительно, что уйти своими ногами ему потом было никак не под силу, и Секач на себе уволок его в амбар, где им приготовили лежанки на старой соломе.

Стоянка все порывалась убежать, но больше для порядка, так что Зимобор легко догнал ее где-то в сенях или под лестницей... Там еще была куча каких-то мешков, пахнущих старрой-престарой мучнистой пылью... Бровка и Чудила за каким-то лешим его искали, подкрадывались, как им казалось, неслышно, но очень громко стучаясь пьяными головами о косяки, истошным шепотом советовались, здесь ли он и не позвать ли его – или принести факел и посмотреть, а он кричал им, чтобы шли к лешему, он занят... Куда и когда девушка исчезла, Зимобор уже не заметил, а сам так и заснул на этой куче пахучих мешков.

Во двор он выбрался ближе к полудню. И то не сам проснулся, а Избрана прислала разбудить. Дескать, княжна спрашивает, приехали они охотиться на дичь или на девок, а за девками так далеко было ездить незачем, этого добра и в Смоленске хватает, только там уже все ученые... Что-то такое над ним бормотала какая-то из сестриных прислужниц, но Зимобор поначалу мало что слышал из-за гула в голове. Но вставать и правда было надо.

Во дворе помятые гуляки, здешние и смоленские, умывались у конской колоды, обмениваясь обрывочными воспоминаниями о вчерашнем буйстве, как вспоминают битву. Глухарь пытался прямо на себе отстирать с подола рубахи пятна непонятного, но подозрительного происхождения, Жилята осторожно ощупывал подбитый глаз, но явно не знал, кому так обязан.

– Я просыпаюсь, смотрю: девка! – делился Шумила, пытаюсь размять ладонями лицо, похожее на давно не стиранный мешок. – И, знаешь, ничего не помню. Думаю, первое: где я? Потом: кто я? У нее спрашиваю: ты кто? А она: ах ты, сволочь, не помнишь, кто я, после всего, что вчера было! Ну, думаю, слава Яриле: значит, что-то все-таки было!

Зимобор умылся, глотнул воды, даже велел облить себе голову, пытаюсь прийти в себя. Так погулять им не случалось уже давно, так как последние два года выдались неурожайными. Утираясь рукавами рубахи, Зимобор вдруг увидел перед собой Годилу – кметя из отцовской дружины.

– Княжич! – Вид у Годилы был какой-то серый и сумрачный, совсем не подходящий этому солнечному, теплему, голубому и зеленому утру месяца ладича³. – Я к вам...

³ Здесь и далее название любого месяца является одним из множества вариантов его народного названия.

– Ты откуда? – Зимобор удивленно нахмурился, только сейчас сообразнились, так на дне в ладье и прикорнули чуть-чуть, и то сон не идет. Князь Велебор-то... вчера в ночь...

– Что?

– Так... помер.

– Как?

Зимобор хмурился и безотчетно расчесывал пятерней густые растрепанные кудри, пытаясь отодвинуть их со лба, но они опять падали на глаза. То, что он услышал, не укладывалось в голове, было слишком неожиданно, слишком страшно и потому недостоверно.

– С вечера вроде ничего был... как всегда, – докладывал Годила, сам смущенный вестью, которую принес, и отводил глаза. – А утром пришли будить – не просыпается. Волхвы говорят, хорошая смерть, легкая. И княгиня тоже...

– Что – княгиня тоже? – У Зимобора мелькнула дикая мысль, что княгиня Дубравка умерла заодно с мужем.

– Тоже так говорит. Хорошая смерть.

Князь давно был нездоров: уже несколько лет у него болело сердце, и за две последние зимы он заметно ослабел. Но весной, когда самое тяжелое время наконец осталось позади, все воспрянули духом, и сам князь надеялся, что теперь снова окрепнет. Он ведь еще совсем не стар – ему исполнилось пятьдесят два года. И вдруг...

Вокруг них уже собрался народ: кмети и местные переглядывались, шепотом передавали друг другу новость, вокруг слышались недоверчивые и горестные восклицания. Князь Велебор был справедлив и дружелюбен и как мог помогал самым бедным во время голодных зим. Но вот его не стало, и люди как-то по-новому взглянули в побледневшее лицо его старшего сына. Вся тяжесть ответственности за племя смоленских кривичей невидимо переползала на него, а он был еще совсем не готов ее принять.

– Иди... Избране скажи. – Зимобор посмотрел на дверь дома, за которой была сестра. – И Буйр где-то там. А мы... – Он окинул взглядом лица вокруг. – Собирайтесь, что ли. Поедем.

Кмети закивали, стали расходиться. Негромко загудели голоса. Зимобор тоже хотел идти, но вдруг увидел возле себя Стоянку. Бледная, со спутанными и кое-как заплетенными волосами, с запавшими глазами, девушка была похожа на тяжело больную.

– А меня... ночью... мара душила, – прохрипела она. – Мать говорит, следы остались, вот, посмотри!

Она полуотвернула голову, показывая горло, и Зимобор увидел на белой коже несколько синеватых пятен, похожих на следы пальцев. Увы, это зрелище было ему знакомо.

– Выходит, правда! – Стоянка, одной рукой держась за горло, второй обхватила себя за плечо, словно ей было холодно. – Про твою невесту. А я думала, так болтают... А выходит, правда... Она приходит и душит...

– Да чего там – правда! – Зимобор с досадой вздохнул. Только этого ему сейчас не хватало. – Одно название, что невеста! Ей десяти лет от роду не было, когда нас обручили, я ее видел-то один раз. Как она умерла, семь лет прошло, свободен я от нее. На, возьми. – Он вынул из левого уха серебряную серьгу с мелким красным камешком и вложил в руку Стоянке. – Прости, что так вышло. Я правда думал, что она этой весной уже не тронет.

Знал бы кто десять лет назад, когда старшего смоленского княжича обручили с дочерью Столпомира, князя полотеского, что все так выйдет! Тогда все радовались, что стародавнюю вражду наконец удалось успокоить и примирение двух могучих кривичских князей скрепляется родством. Княжне исполнилось всего девять лет, и свадьбы предстояло ждать еще долго: около трех лет, пока девочка созреет и станет девушкой, еще три года, пока обучится всем женским обязанностям, и только потом жрицы Макоши благословят ее на замужество. Зимобор, которому сравнялось четырнадцать, уже считался взрослым мужчиной, а его невеста была просто маленькой девчонкой, на которую и смотреть-то не стоило. Не хромая, не горбатая, на

вид не хуже других, а что ему придется жениться по чужому выбору, он знал всегда. Остальное было делом туманного будущего. В юности, когда время идет медленно, «через шесть лет» кажется таким далеким, словно в другой жизни. И по сути, так оно и есть.

Уехав из Полотеска с маленьким перстеньком на пальце, Зимобор сразу забыл и о перстеньке, и о невесте, и через три года, когда в Смоленск пришла весть о ее смерти, не слишком огорчился. Теперь он был по-настоящему взрослым, вокруг него были живые девушки, а маленькая полотеская княжна давно стала расплывчатым воспоминанием. Он и не узнал бы ее, если бы встретил. Умерла – значит, судьба ее такая, а невест на свете много.

Только его мать встревожилась. Ушедшая на Тот Свет обрученной будет страдать в разлуке с суженым и попытается его заполучить. Забрав у сына невестин перстень, княгиня топором разрубила его пополам, положив на порог дома. Половинку, упавшую внутрь, она отдала Зимобору, а упавшую наружу бросила в Днепр, сказав при этом: «Иди к той, что подарила тебя. И как половинкам разрубленного одна с другой не сойтись, так и тебе моего сына больше не видать». Теперь обручение было расторгнуто, и умершая невеста не должна была тревожить живого жениха.

Но вышло не так. Все, кого Зимобору случалось обнять, потом страдали от невидимой и жестокой ночной гостьи. Громница, с которой он водился три года назад, тоже потом все жаловалась на душащую мару, показывала синяки на шее и спасалась только полынью; и та девчонка с уточками в ожерелье, с которой он гулял на Ярилин день, ну, там, в Ясенце, что ли, позапрошлой осенью...

Теперь Зимобору было уже двадцать четыре года, все его ровесники давно были женаты и имели по несколько своих детей, он один вроде как не повзрослел по-настоящему!⁴ Носить такое проклятье всю жизнь ему совсем не хотелось – с надеждами на престол тогда пришлось бы проститься, – и он надеялся, что по прошествии семилетнего срока, который даже молодую бездетную вдову возвращает обратно в девушки⁵, освободится.

Выходит, зря надеялся.

А слухи о ревнивой покойнице, преследующей старшего княжича, разошлись за несколько лет довольно широко. В Смоленске все об этом знали, и на веселых весенних праздниках и на зимних посиделках Зимобор часто оставался один, хотя многие девушки поглядывали на него с сожалением. Высокий, широкоплечий, Зимобор постоянными упражнениями, начатыми с семилетнего возраста, добился того, что уже в семнадцать стал одним из лучших бойцов в дружине. Весь его вид излучал молодость, здоровье и удачу: с румянцем на щеках, с большими карими глазами, с буйными каштановыми кудрями и ярким румянцем на щеках, Зимобор был именно тем человеком, про которого говорят «кровь с молоком». Не портила его даже горбинка на носу, оставшаяся от давнего перелома. Он всегда был весел, оживлен, дружелюбен, приветлив даже со смердами и холопами, за что те любили его без лести, а от всей души. С каждым незнакомым он держался так, будто знал его весь век, и самому незнакомцу тоже очень быстро начинало казаться, что они давние друзья. Ко всем кметям в дружине он относился как к братьям, жил среди них, ночевал в дружинной избе, делил все тяготы походов и охотно прислушивался к советам более опытных и бывалых, и за это каждый из них отказался бы даже от законной доли в добыче ради одного удовольствия служить ему.

У старшего княжича был только один недостаток – не как у человека, но как у наследника смоленского князя. Его мать была низкого рода, и в свой дом князь Велебор привез ее из далекого села, куда попал однажды во время полюдья. Светличка, дочь смерда Корени, была не холопкой, свободной женщиной, но все же никакой достойной родни со стороны матери

⁴ Вступление в брак было окончательным переходом к статусу взрослого и полноправного члена общины.

⁵ У славян существовал обычай, согласно которому молодая бездетная вдова через семь лет снова получала статус девушки и могла выходить замуж «с чистого листа».

у Зимобора не имелось и его судьба зависела целиком от решения отца. А князь Велебор не просто любил своего старшего сына, но с самого начала готовил его в свои преемники.

Неудивительно, что девушки не сводили с Зимобора глаз, но слухи о ревнивой мертвой невесте отпугивали. Некоторые не верили, но, один раз ощутив в ночной темноте сомкнувшись на горле пальцы, тут же умнели и давали себе слово впредь водиться с кем-нибудь другим. Ночная гостья еще никого не удушила насмерть, но с каждым разом давила и мучила сильнее, вынуждая даже самых упрямых отказаться от встреч с Зимобором. Только Щедравка из смоленского гончарного конца продержалась возле него почти год, с зимы по следующую осень. Но, во-первых, Щедравка была самой смелой и бойкой девкой в Смоленске, во-вторых, она была влюблена в Зимобора до беспамятства, а в-третьих, ее бабка на весь Смоленск славилась мудростью и знала охранительные чары. И то Щедравка по утрам, бывало, долго разбирала косу, насмерть запутанную злобной ночной гостьей, вычесывала вырванные волосы и тихо бранилась. А осенью родичи поспешно выдали ее замуж за ладожского проезжего купца, который был так сражен ее красотой, статью и огнем глаз, что потребовал играть свадьбу вот сейчас же! Свадьбу сыграли, а под многорядными цветными бусами невесты скрывались синие следы пальцев ночной мучительницы...

Из-за болезни князь Велебор почти не покидал Смоленска, поэтому его сыновьям приходилось много ездить, но везде ревнивый и завистливый Буяр старался побыстрее раскрыть тайну своего слишком привлекательного старшего брата. Братья были похожи и лицом, и фигурой, и Буяр мог бы точно так же радоваться жизни, своей силе и молодости, но ему не давала покоя мысль, что Зимобор ухитрился родиться на несколько лет раньше и первым наложил руку на все жизненные радости – в том числе и на отцовский престол. К тому же мать, княгиня Дурбавка, с самого детства исподтишка внушала Буяру, как несправедливо, что его обошел сын какой-то сельской девки! Поэтому Буяр опять же с детства все время задирает старшего брата, за что бывал постоянно им бит, сначала просто так, а потом во время учебы и упражнений, но не унимался.

Позапрошлой осенью в Ладогге, куда ездили продавать хлеб варяжским купцам – никто тогда еще не знал, как нужен будет им самим этот хлеб! – они чуть не передрались из-за подросшей дочери одного из тамошних старост, Недельки. Невысокая, но стройная, с густыми пушистыми волосами и тонким белым лицом, Неделька очень нравилась Зимобору, и он ей тоже нравился, это было видно. Когда он целовал ее в темных верхних сенях над лестницей, она отбивалась только для порядка, но, поняв, что сейчас все случится, не шутя пригрозила закричать.

– За тобой твоя мертвая невеста ходит. Я знаю, люди говорили, – отрывисто шептала она, решительно отдирая от себя жадные руки. – Я знаю! Я не хочу, чтобы она меня иссушила! У нас к одной девке навка привязалась – Малятка у нее жениха отбила, а она утопилась и теперь к ней ходит. Малятка уж не рада, сама скоро от тоски утопится, высохла вся, смотреть страшно! Я не хочу так! Избавишься от своей – тогда приходи.

При ее происхождении Неделька могла рассчитывать даже стать женой Зимобора и в будущем – смоленской княгиней, но слишком боялась ревности мертвой. Сам князь Велебор был очень удручен тем, что его наследник так долго вынужден оставаться неженатым, а в последнее время нередко заговаривал о поисках новой невесты.

– Вот семь лет пройдет, тогда уж отвяжется. Жаль, мать не дождалась! – вздыхал он, до самой смерти нежно любивший младшую жену, несмотря на ее низкое происхождение и упорную ревность старшей жены, княгини Дурбавки. – С первой невестой вон что вышло, вторую уж ей увидеть не придется! Не придется внуков принимать... Ну, ничего, на будущий год в Радоницу приведешь молодую жену на зеленую могилку, покажешь матери, расскажешь ей, что у вас и как... Она услышит, и сердце ее возрадуется...

Зеленая могилка... мать... А теперь отец тоже... Мысли о девушках бледнели и таяли перед страшной новостью, которая утверждалась в сознании и давила все сильнее, заслоняя весь белый свет. Отец умер! Вот они вернутся домой, а его там нет... и никогда уже не будет... Надо возвращаться в Смоленск, и как можно быстрее.

– Прости, – еще раз сказал Зимобор огорченной Стоянке, приобнял ее за плечи и погладил светло-русую голову. – Не бойся, я уеду, она больше тебя не тронет, верно говорю. Извини уж меня, я не хотел, чтобы так вышло. Лучше бы меня самого душила, мара проклятая, вяз червлёный ей в ухо! Уж я бы ей руки-то пообломал! А то лезет вечно к девушкам, да самых красивых выбирает! Ревнует, видно, красоте завидует!

Он улыбнулся девушке, но улыбка вышла неживая – все его мысли были с отцом. Махнув рукой на прощанье, Зимобор пошел к крыльцу. Стоянка провожала его глазами.

– Ужас какой! – выдохнула она и сглотнула, вспомнив холодные твердые пальцы, с нечеловеческой силой сомкнувшиеся на горле.

– Ну и дура! – наставительно сказала ей баба, которая шла мимо с кринкой, но остановилась послушать. – Да ведь он теперь – наш князь! Он же – старший! А мать его знаешь кто была? Такая же девка, как ты, из села какого-то под Торопцом. Мне старый воевода Сваровит рассказывал, он там служил и в то село мечником⁶ ездил. Так что смотри – еще княгиней станешь! Подумаешь, придушили немного! Не насмерть же!

– Не хватало еще, чтобы насмерть...

Проходя через сени, Зимобор прислушивался, ожидая крика и вопля. Но Избрана, когда он вошел, молчала, только была бледна и ломала пальцы крепко стиснутых рук. Ей было не до причитаний, напряженная работа мысли заглушила скорбь. Тут же сидел растрепанный похмельный Буяр, недоуменно моргая, кое-кто из челяди и кметей жались по углам, ожидая, когда им хоть кто-нибудь скажет, что теперь делать. И даже у старшей дружины был растерянный и нерешительный вид.

– Ну, ты как? – Зимобор подошел к Избране, обнял ее и заглянул в лицо. – Держись, солнце мое, ничего не поделаешь. Надо вам скорее к матери ехать.

Избрана как-то странно глянула на него, и Зимобор удивился, встретив ее напряженный взгляд без следа слез.

– Всю охоту испортил! – пробурчал себе под нос Буяр и потер лицо руками. До него, кажется, еще не дошло.

– Ты в своем уме? – прикрикнула на него Избрана. – Язык придержи!

– Да я про Годилу! – скорее досадливо, чем виновато, пояснил Буяр. – Тоже, порадовал новостью!

– Так что же было, до зимы подождать? – ответил ему Зимобор, надеясь, что брат сам догадается, какие глупости несет. – Так вы собирайтесь, что ли, – повторил Зимобор. – Сегодня надо выехать.

– Очень умно! – раздраженно воскликнул Буяр, едва лишь кто-то из кметей успел шевельнуться. – Что, с тремя лосями ехать? Даже на поминки не хватит! Мы ехали-то за мясом... а не за девками! – с досадой закончил он, припомнив Стоянку, которая опять досталась старшему.

– Мясо надо засолить, – заметила Избрана. – Без этого что же ехать?

Зимобор смотрел на нее в изумлении. Насчет мяса, в общем-то, она была права, но он сейчас был совершенно не способен думать о каком-то мясе.

⁶ Вопреки распространенному мнению, мечник – это не воин с мечом, а представитель княжеской администрации, занимающийся сбором дани. Правда, нельзя дать гарантию, что в начале IX века княжеская администрация достигла уже таких высот в развитии, но наверняка такие доверенные люди у князей имелись.

Избрану, если честно, мясо тоже волновало в последнюю очередь. Больше всего ее заботило то, чтобы не дать Зимобору начать всем распоряжаться. Тот, кто сейчас поставит себя главным, потом уже не выпустит узды из рук, а тот, кто склонится, – не разогнется уже никогда.

– Так что же – воевода будет нашему отцу курган возводить, а мы по лесам гулять? – сказал Зимобор, надеясь вразумить брата и сестру.

– Там наша мать, – в свою очередь напомнила Избрана, и это прозвучало несколько угрожающе. Они с Буяром располагали в лице княгини могучим союзником, а у Зимобора со стороны матери не было ни единого человека родни.

– Вашей матери и в храме хватает дел. Город без хозяина стоит.

– А ты в хозяева метишь? – с вызовом бросил Буяр.

– Вяз червлёный... – начал Зимобор, но постарался взять себя в руки. Им только и не хватало сейчас начать пререкаться. – Вы что оба, белены тут поели?

– А ты чего за всех решаешь? – так же вызывающе продолжал Буяр и шагнул ближе к Зимобору. – Князь слово молвит, а мы, значит, все молчи! Не слишком ли торопишься?

– Я тороплюсь? – Зимобор сначала его не понял. – Ах вот ты про что! Отец еще не погребен, а ты уже престол делить начал? Ну, братец! Знал я, что ты болван, но что настолько!

– Это я болван? Да ты, смердий сын...

– Замолчи! – резко крикнула на младшего брата Избрана. Как раз вовремя – Зимобор уже прикидывал, не дать ли ему немедленно в челюсть, чтобы немного полежал спокойно и вспомнил, что старших надо уважать.

Буяр умолк – Избрану он немного побаивался. А она стояла выпрямившись и сжав руки, только ноздри красивого тонкого носа слегка подрагивали. Буяр слишком глуп и прямолинеен – вовсе незачем ссориться со старшим братом так быстро и открыто.

Зимобор перевел взгляд с сестры на брата. Прежний мир разбился в мелкие черепки, и он не знал, как дальше быть. Им и раньше случалось ссориться, но никогда раньше у него не было ощущения такого непримиримого противостояния. Умер их общий отец – и все трое стали чужими друг другу. Раньше им было нечего делить – а теперь между ними встал смоленский престол, и эта могучая преграда прочно заслонила их родственную привязанность.

Не найдя что сказать, Зимобор махнул рукой и вышел. Он с дружиной должен ехать, а эти двое, если не хотят, могут оставаться. Но он знал, что они не останутся и не позволят ему одному вернуться в город, где больше нет князя.

– Надо же... – вздохнул Русак, слушая, как в сенях раздаются торопливые шаги Зимобора. – Только-только народ раздышал... Думали, теперь бы жить да радоваться... А вот пойдешь ты...

– Все голодуха эта проклятая! – вздохнула старая нянька Избраны, сопровождавшая княжну. – Все она...

Два последних года выдались очень тяжелыми: хлеба едва хватало до середины зимы, дальше спасали только дичь и рыба. Сколько-то зерна удавалось купить на юге, но тяжело приходилось всем. Весной стало легче – теперь помогали прокормиться дикие травы. Даже княжеские дети узнали вкус печеных корневищ камыша и рогоза, похлебок из сныти, подорожника, борщевика, спорыша и других трав, хлеба из болотного белокрыльника. Из ила лесных озер вилами вытаскивали его толстые корневища, промывали, сушили на солнце или на печках, мололи, несколько раз заливали муку горячей водой, чтобы удалить горечь. Мучнистые корни белокрыльника, желтой кубышки, белой кувшинки заменили рожь и пшеницу. В горшках кипели стебли, листья, корни – клевер и щавель, лук и козлородник, крапива и лебеда, лопух и папоротник, скрипун-трава и трава-дедовник, хвощ, ряска, пастушья сумка и звездчатка-мокрица, молодые побеги ракиты и сосны, – оказалось, что есть можно все. Как говорится, не то беда, когда во ржи лебеда, а то две беды, когда ни ржи, ни лебеды.

И вот когда зима наконец осталась позади и все живое воспрянуло навстречу жизни, эту новую жизнь роду смоленских князей придется начать с похорон...

* * *

Весь день занимались разделкой добычи и засолкой мяса – бросить еду сейчас было бы недопустимо, даже если бы провалился в бездну весь Смоленск, – и выехали из Полоха под вечер. Плыли вниз по Днепру, свежий ветер позволял поставить паруса, помогая мощному течению, и ладьи неслись, как белые лебеди по небу. Только никто этой быстроте не радовался. С одной стороны, всем хотелось оказаться поскорее в стольном городе, а с другой – страшно было увидеть его осиротевшим, и к концу пути никто особо не стремился. Грести пока не требовалось, усталые кмети спали сидя, привалившись один к другому.

Зимобор тоже устал, но заснуть не мог, хоть Чудила и предлагал ему местечко у кормы, где даже можно было прилечь. Он только смотрел, как проплывают мимо черные берега, неразличимые леса, как блестит вода под луной, словно дорога, вымощенная чистым серебром.

В свершившееся несчастье не верилось. Зимобор ловил себя на ощущении, что не хочет окончания этого пути, не хочет видеть дом, в котором больше нет отца. Он привык разъезжать по городам и погостам, когда один, с ближней дружиной⁷, когда с Буяром или кем-то из бояр, и всегда с удовольствием возвращался домой, зная, что отец с нетерпением ждет их, что у него готовы и еда, и баня, – поневоле домоседствуя, князь Велебор держал в руках все обширное хозяйство и знал его лучше женщин. Его добродушие и заботливость придавали дому уют, который делает родовой очаг священным, объединяя и ныне живущие поколения, и ушедшие, и еще не родившиеся, как единый для всех остров в потоке времен. А теперь сам князь Велебор из живых перешел в «предки».

Без него это будет совсем другой дом, не тот, где князь любил вечерами запросто посидеть на крылечке, ожидая возвращения детей и вырезая очередной посох – князь раздавал посохи собственной работы всем смоленским старикам, но и дома по углам вечно стояло несколько незаконченных. Посохи остались, а хозяина их нет, и никто их уже не доделает... Князь Велебор не сидит на крыльце – он лежит в опочивальне, неподвижный и безгласный, и никогда он никого не встретит, и даже их, своих любимых детей, не увидит, когда они придут попрощаться...

В глазах защипало, горло сдавила судорога. Осознание потери входило в сердце, как острый нож, от душевной боли перехватывало дыхание, и не верилось, что от этой боли нет лекарства, как нет больше отца. Тот терем, где князь Велебор сидит на крылечке, теперь вознесся в Правь, и там он будет стоять вечно, не ветшая, и солнце над ним никогда не зайдет...

Утром пристали передохнуть на опушке дубравы, поднимавшейся по склону пологой горы. Для княжны Избраны раскинули в тени орешника толстый пестрый ковер; она сидела с невозмутимым и отсутствующим видом, а мысли ее были где-то далеко.

Вот уже почти сто лет прошло с тех пор, как племенем днепровских кривичей-смолинцев правили князья из рода Твердичей. С тех давних пор, когда древний прародитель, которого называли Кривом, привел сюда свое племя⁸, смолинцы на общенародном вече выбирали себе князей для мирной жизни и воевод – для военного времени. Князь Тверд был избран еще в

⁷ Под ближней дружиной автор понимает профессиональный воинский отряд, постоянно находившийся при князе. Весьма вероятно, что право на собственную дружину княжич получал с 12-летнего возраста, с которого мог принимать участие в военных походах, пусть и под руководством кормильца. Численность ближней дружины зависела от способности князя ее прокормить. Делилась на части: отроки – нечто вроде кандидатов, кмети – полноправные воины, старшая дружина – десятичники. При сборе ополчения ближняя дружина поставляла воевод разного уровня – от десятников и выше.

⁸ На свои нынешние территории восточные славяне пришли из Центральной Европы в V—VI веках. Крив – легендарный прародитель кривичей, но о нем неизвестно ничего, кроме имени.

те времена, когда смолинцы только пришли на берега Днепра. После него племенем правили князья из других родов, но прадед Велебора, тоже Велебор, сумел передать власть своему сыну Радогосту, а тот своему. Как требует обычай, вече выбирало нового князя после смерти прежнего, но в последних трех поколениях выбор делался между детьми умершего, то есть потомками Тверда.

Теперь выбирать предстояло из двоих – наследником мог стать или Зимобор, или Буяр. И выбор смолинцам предстоял нелегкий: Зимобор был старше, но род Буяра по матери был гораздо знатнее. Старшинство и знатность соединяла в себе Избрана – но она женщина!

А ведь родись Избрана мужчиной, лучшего князя нельзя было бы и выдумать. Девушка была умна, честолюбива, решительна, отважна и тверда духом. В шестнадцать лет князю выдали замуж за одного из вятических князей – князь Велебор пытался проложить с помощью этого союза пути на Юлгу⁹, к богатейшим рынкам восточных стран. Но всего через год муж Избраны погиб в борьбе с соплеменниками, а юная вдова предпочла вернуться к собственным родичам. Как она уезжала с берегов Оки, охваченных войной, – это была отдельная песня. . .

Через семь лет юная вдова, как позволяет обычай, снова уравнилась в правах с девицами: с облегчением сбросив ненавистый темный платок, она, как прежде, блистала на девичьих гуляньях своей роскошной косой. В руку толщиной и длиной почти до колен, «как у вилы», светлая, почти как серебро, она лишь чуть-чуть отливала мягким золотистым блеском. Избрана поражала всех гостей, и даже за морем, благодаря болтливости купцов, шла слава о ее красоте, уме, истинно княжеском достоинстве. К ней не однажды сватались, двое князей из низовий Днепра нарочно для этого приезжали в Смоленск, но выходить замуж снова Избрана не хотела. Никто не знал, чего она дожидается, и бытовало мнение, что княжна собирается со временем сменить мать в храме Макоши и стать верховной жрицей племени – это и предписывалось обычаем для женщин ее происхождения.

И только теперь, видя на лице сестры отражение каких-то новых и весьма глубоких мыслей, Зимобор понял, что она мечтает о власти отнюдь не только над храмом. И поразился собственной слепоте и глупости.

– Мира теперь не ждите! – уверенно пророчил Секач, загребая ложкой из котла куски вареной рыбы. – Княгиня-то верно говорит: многие ее детей на княжении увидеть хотят! Княгиня-то Дубравка старого еще корня, от самого князя Белояра род ведет! Вот сами увидите, что вече закричит! Предложи им сейчас кого другого – смуты не миновать!

Воспитатель младшего княжича и впрямь был похож на старого кабана-секача: мощный, с выпирающими на груди и плечах мускулами, с маленькими глазками под низким лбом, и даже в выражении его лица было что-то дикое и свирепое. На груди он носил ожерелье из кабаньих клыков, зимой и летом не расставался с накидкой из кабаньей шкуры, и говорили, что он знает некие древние таинства, позволяющие удачливому охотнику забрать себе всю силу убитого зверя, благодаря чему Секач был незаменим в таких делах, где нужны сила, ярость и напор. Правда, говорили, что и умом он недалеко ушел от лесного кабана. Но Зимобор понимал, что если дело дойдет до прямого столкновения, то Секач будет опасен, как разъяренный вепрь.

– Вече еще не созывали, а ты уже кричишь! – с неудовольствием отвечал Секачу Достоян, один из десятников Зимоборовой ближней дружины. – Сам ты и есть первый смутьян! Будто мы не знаем, что ты хочешь теперь Буяра на княжение посадить и при нем воеводой стать! Кабы была на то воля богов, то княгиня Дубравка первым бы сына родила. А теперь Зимобор – старший, ему все и отойдет. И ты эти разговоры не заводи, не смущай дружину.

⁹ Юлга, или Юл-река, то есть «река пути», – древнебулгарское название Волги. Обычно в книгах о Древней Руси Волгу называют ее хазарским именем Итиль, но, во-первых, булгары жили ближе к кривичам, чем хазары, а во-вторых, слово «Юлга» подозрительно похоже на нынешнее «Волга».

– А ты мне не указывай! – грубо отозвался Секач. – Я здесь тоже не холоп, свой голос имею. Кого хочу, того и закричу. А там увидим, что народ скажет!

– Сперва послушай, что дружина скажет! Законы разбирать – это тебе не волков за задние ноги да об деревья головой бить! Не твоего ума дело!

Зимобор не оборачивался к спорящим и делал вид, что не слышит их, хотя сидел совсем недалеко. Он понимал, что здесь требуется особая осторожность и каждый шаг, даже каждое слово необходимо выбирать и взвешивать. Секач, понятное дело, встанет на сторону Буяра. При таком князе у него не будет соперников – Секач делается новым воеводой и, имея князя, приученного во всем его слушаться, будет безраздельно править днепровскими кривичами. А у него есть взрослый сын Красовит. Несомненно, Секач употребит все свое влияние, чтобы оттеснить род Твердичей от смоленского престола. И позволить ему это будет просто предательством по отношению к предкам, которые положили столько сил, чтобы укрепить права своих потомков на власть!

– Вот еще дождемся: как узнает Столпомир полотеский, что у нас старый князь умер, а нового нету, – вот и ждите гостей незваных! – говорили в дружине.

– А что, мир-то у него был с князем Велебором, а теперь его нету, а с новым князем у Столпомира никаких договоров нету! Так всегда бывает – как старые князья перемрут, так новые заново воевать начинают!

– Да разве мы воевать собираемся? – пытался осадить говорунов Судимир, другой Зимобор десятник. – Не у них в Полотеске ведь князь меняется, а у нас! А мы разве воевать с полочанами хотим, а, Зимобор?

– А это еще посмотреть, кто князем будет! – крикнул Буяр еще прежде, чем Зимобор успел покачать головой. Младшего княжича оскорбило, что десятник обратился прямо к Зимобору, как будто он уже был провозглашен новым князем днепровских кривичей.

– Мы не хотим – они захотят, – с неудовольствием ответил Зимобор. Ему было неприятно сейчас думать о таких вещах, но что толку закрывать глаза на правду? – Как в последнем полотеском походе – когда у них старый князь умер, наши воевать начали, так у нас теперь князь умер – они воевать начнут.

– А вот бы нам их не дожидаться, самим первыми напасть, отхватить у них все волоки и Радегощ! Раз старого князя нету, а у нового с ними договора нету! – заметил Ранослав, сын Велеборова сотника, и подмигнул Зимобору. Он был знатного рода, неоднократно дававшего Смоленску воевод, и хорошо знал по опыту своей семьи, о чем говорит. – Старый-то князь ой хорошо тогда полочан приложил мордами в лужу, мне отец рассказывал! И дядька мой, Будислав Гориярич, чуть в самый Полотеск тогда со своей дружиной не ворвался, князь Столпомир едва-едва из-за моря успел войско привести! А не успел бы – теперь бы под нашей рукой все кривичи были!

– И хорошо, что ты, Зимобор, на их княжне тогда не женился! – подхватил Бровка.

– И были бы у нас все кривические земли вместе, как Кривом завещано!

При этих словах все лица оживились. Объединение всех трех кривичских племен под единой рукой было мечтой, наверное, всех до единого кривичских князей. Всякий, кто чувствовал себя в силе, пытался это сделать, и каждый при этом считал, что выполняет священный завет предков. Основательницами каждого из трех ветвей племени кривичей – изборских, живших у Чудского озера, днепровских и полоцких – называли трех Кривовых дочерей: Прераду, Войдану и Светлину. Дело объединения древних Кривовых земель оборачивалось долгими войнами, кровопролитиями, слезами и разорением; измученные и ослабленные войной князья собирались в святилищах, перед ликами Перуна, Велеса и Макоши¹⁰ заключали мир,

¹⁰ О социальной или территориальной распространенности культа тех или иных славянских богов можно высказывать разные предположения, но ничего нельзя сказать наверняка. Есть мнения, что Перун – это «южный» и «княжеский» бог,

отдавали друг другу дочерей в жены, клялись, что «каждый да владеет землей своей отныне и вечно», – и через несколько десятилетий, когда подрастало новое поколение князей и воинов, все начиналось сначала.

Тряхнув головой, Зимобор огляделся и вдруг изумился тому, что в мире ничего не изменилось. Так же бурлила свежая, еще не до конца распустившаяся зелень весны, дышал свежестью месяц ладич, по склонам пологих холмов в изобилии пестрели цветы. Улыбалось яркое небо, словно обещая вот-вот пролить на все живое потоки немислимого счастья, мелкая прозрачная волна катилась по золотистому песку, ветер задувал ему волосы в лицо – а Зимобору все эти простые вещи казались неестественными. Отца больше нет, а он, Избрана, Буяр, все прочие по-прежнему живы, строят замыслы на будущее, спорят. Они как будто совсем забыли, какая беда погнала их домой раньше срока, хотя только об этой беде, по сути, и говорят.

Подойдя, Зимобор присел на край ковра возле Избраны. Она бросила на него короткий взгляд, но ничего не сказала. Зимобор сорвал травинку, пожевал ее и негромко заметил:

– Сестра, уняла бы ты вашего кабана. И отцу обидно, и нам мало чести. Вся дружина перессорится – чего хорошего?

– Как я буду его унимать – он ведь, кроме отца, никогда никого не слушал.

– То-то и плохо. Сама подумай, ты же умница. – Он придвинулся к сестре и зашептал: – Если Секача слишком близко к престолу подпустить, он, пожалуй, Буяра-то спихнет и сам залезет. Хочешь, чтобы Красовит княжий посох принял?¹¹

Избрана только фыркнула и бросила на Зимобора насмешливый взгляд:

– Ой, не знала я, что ты так боязлив, братец мой милый! Наверное, и по ночам под одеяло с головой прячешься? Куда Секачу с его кабаньим рылом на престол? Насмешил бы ты меня, кабы смеяться было можно. Сам же слышал – он князем Буяра хочет!

– Буяра он хочет, потому что не хочет в князья меня! А потом чего он захочет – ты знаешь?

– А что потом будет, потом и увидим! А сейчас он правду говорит! И все вече то же самое скажет. Кто твоя мать была? Все же знают, что твой дед был простой смерд, а уже когда тебя на коня посадили¹², его ради этого родства в старосты выбрали. Ты не на меня обижайся, ты на отца отбижайся теперь, что он тебе матери познатнее не дал! – быстро добавила Избрана, видя, как дрогнуло лицо Зимобора.

– Князем буду я, а не мой дед! – резко ответил он и отбросил травинку. – Я – старший сын, и отец меня признавал своим наследником. Хотите спорить – не со мной будете спорить, а с ним! Готова, красавица? И о чем спорить? Что Буяр – дурак упрямый, каждая собака знает. А ты и не знаешь? Хочешь над собой такого князя иметь?

Избрана сжала губы, слушая, но теперь опять улыбнулась, немного загадочно, будто знала что-то такое, чего он не знал.

– Зачем же сразу – Буяра? – многозначительно произнесла она, когда Зимобор умолк.

– А кого же еще? Двое нас.

– Двое? – Избрана выразительно подняла свои тонкие брови.

– Да ну! – изумился Зимобор, сообразив, на что она намекает. – Ты? Да ну, брось! Тебе головку солнцем не напекло? А с березы не падала?

а Велес, соответственно, «северный» и «крестьянский». Но поскольку социальные верхи и низы, север и юг, земля и небо, мужчины и женщины образуют мир в его единстве, то вполне вероятно, что и предметом поклонения была целостная картина мира, а не отдельно взятые части. Хотя весьма возможны какие-то региональные предпочтения, как в более позднее время существовали местные святые.

¹¹ Деревянный посох – древнейший символ княжеской власти. Есть мнение, что этот посох назывался кием и название Киев (не уникальное для славянских земель) происходит именно от этого слова и означает «стольный город», то есть город, где находится посох власти. Если так, то князь Кий становится явно вымышленной фигурой – трудновато представить царя, которого звали бы Скипетр. Хотя бы потому, что данный предмет и так при нем.

¹² Обряд сажания мальчика на коня проводился в возрасте трех лет, и это был один из первых этапов его взросления.

– А чем я хуже вас? – вызывающе спросила Избрана. – Я старше тебя и знатнее его. Ну что?

– Да не было же такого никогда! Со времен Тверда не правили кривичами женщины. И до Тверда тоже не правили. Мы постоянно воюем. Варяги, вятичи, радимичи, да мало ли каких еще леших дурным ветром принесет? Вон, хазары одни чего стоят! Да с какой стати сажать на престол молодую женщину, когда есть двое мужчин? Да нас везде засмеют!

– Все кривичские племена произошли от женщин, – ответила Избрана. – Не правили женщины, братец, так будут править. С давних времен так было: князь – на мирное время, а на военное – воевода.

– Да сам Тверд за что в князья был выбран? Забыла?

– Теперь не те времена, чтобы из железных застежек себе булаву ковать¹³ и со Змеем один на один биться! Ты хорошо воевать умеешь – вот и будешь при мне воеводой. Хочешь? А когда нет войны, я не хуже тебя справлюсь. Даже и лучше, может быть.

– Напекаешь, что я глупее тебя? – выговорил ошарашенный Зимобор. У него никак не укладывалось в голове, что женщина может хотя бы *хотеть* стать князем. Это примерно все равно что... хотеть стать из женщины мужчиной!

Он посмотрел в твердые, решительные, совсем сейчас не женские глаза сестры и вдруг подумал: а ведь и правда глупее! Был бы он умный, так давным-давно бы понял, почему она не выходит замуж, зачем сидит в Смоленске, чего дожидается. Был бы умный, давным-давно оценил бы ее как противника и постарался избавиться. А ему, как ребенку, отец казался вечным, и даже в голову не приходил вопрос: а что будет после его смерти? Князь Велебор был разумным человеком – если бы Зимобор постарался открыть ему глаза на ту опасность будущих раздоров, которыми чревато пребывание Избраны в Смоленске, отец употребил бы родительскую власть и выдал ее замуж вторично – подальше отсюда! Была бы она сейчас женой Избыгнева черниговского или Добромира киевского, то через месяц только и узнала бы, что в Смоленске сменился князь. А теперь поздно.

В трех шагах позади Избраны прямо на земле сидело еще одно доказательство ее предусмотрительности – варяг Хедин, замкнутый мужчина лет сорока пяти. Семь лет назад Избрана привезла его с собой. Ходили слухи, будто свои же варяжские купцы на Оке хотели повесить его за какие-то неизвестные провинности, но Избрана выкупила его, и с тех пор он охранял ее, как пес, – днем ходил за ней, не отдаляясь более чем на три шага, а ночью спал за порогом ее горницы в сенях. За несколько лет он собрал себе хорошую дружину – небольшую, десятка на полтора человек, но все в ней были отличные воины, выученные и в самом расцвете сил, преданные своему вождю и княжне.

У Зимобора тоже была своя дружина, но он не был готов к мысли, что воевать придется с кровными родичами. Он быстро поднялся с ковра, шагнул в сторону и исчез за ветвями орешника. Ему хотелось побыть одному.

Избрана прислушивалась, но не услышала его шагов – ни сучок не хрустнул под ногой, ни ветка не хлестнула по плечу. Он исчез бесшумно, как истинный воин, и это неприятно поразило ее: не думая об этом, брат все же показал превосходство своего, мужского, воспитания над ее – женским. Но она тут же вспомнила собственный довод: в нынешние времена князю не так уж и нужно лично водить дружину в каждую битву. Змеев двенадцатиглавых что-то давно никто не видел, и враги у кривичей совсем другие – хазарский малик Обадия, например, с

¹³ В сказках есть упоминания о том, что для битвы со Змеем герой кует себе булаву из булавок, которые собирают для этого со всей земли. Видимо, это сюжет начала железного века, когда у славян было мало железа и из него делали еще не оружие (оно было бронзовое), а только нагрудные застежки. Но поскольку железное оружие гораздо эффективнее бронзового, три тысячи лет назад, вполне возможно, для особо важных военных операций племена собирали все имеющееся железо на оружие воинов. Это примерно то же, как если бы в наше время ради какого-то особо важного общественного дела со всего города собирали золотые обручальные кольца.

деньгами иудейских купцов захвативший власть в Итиле и заключивший под стражу кагана. Что он будет делать дальше? Куда пойдет за данью, чтобы содержать тысячи наемной конницы? Воевать с ним лично смоленскому князю не обязательно – ведь и сам Обадия не покинет дворца, а в бой пойдут наемные воины-степняки. Чтобы уцелеть, князю гораздо полезнее думать головой, чем весь день прыгать по двору с мечом и топором.

Она умна и решительна, ее сила именно в этом. А ей не простят, если она проявит слабость. Не простит мать, не простят Хедин и его варяги. Она должна стать госпожой над ними всеми, потому что слишком много охотников быть господами над ней.

А Зимобор уходил все дальше в глубь леса, пока не споткнулся об упавший ствол, прикрытый зелеными хвостами пышных папоротников. Тогда он сел, оперся локтями о колени и задумался. Вспомнилось, как в детстве, еще находясь под присмотром нянюшек, они с Избраной, бывало, делили какую-нибудь игрушку, тянули ее каждый к себе и кричали: мое, нет, мое! Доходило даже до драки. Избрана и в детстве была сильной, решительной и упрямой. Плакала она, только если ну никак не могла добиться своего. И сейчас еще у Зимобора на подбородке белел тонкий, но заметный шрам, вынесенный из этих детских стычек с сестрой. Как именно это случилось, ни он, ни она не помнили, да Зимобор и не распространялся об этом – пусть принимают за след боевой раны. А ведь сейчас они делят не игрушку – власть, а это судьба каждого из них и судьба всего племени в целом. Не верилось, что все так всерьез. Но вместо злости и досады на Избрану, вдруг из сестры ставшую злейшим врагом, Зимобор ощущал только злобу и досаду на судьбу, которой почему-то захотелось столкнуть их лбами. Почему смерть общего отца непоправимо разделяет их, вместо того чтобы крепче связать продолжателей его рода? Весь мир, в котором это происходило, казался неправильным, словно длинный дурной сон. Как будто он зашел по ошибке в чужой мир, как в чужой дом, и теперь мучительно ищет дверь наружу. Где его прежний мир, правильный, и как в него попасть?

* * *

Когда княжеские дети высаживались из ладей, смоляне собрались к пристани, но стояли молча, только кое-где причитали женщины. Осиротевший город с надеждой смотрел на тех, кто отныне будет его защитой... но кто именно? Люди неуверенно переводили взгляды с одного из детей Велебора на другого, словно искали того, за кем им теперь следовать и на кого надеяться. Основная тяжесть внимания и поклонения еще не определилась, она была как вода, катающаяся по ровному железному листу и не знающая, в какой угол течь. Пред смолянами были двое мужчин-воинов и одна женщина, приносившая в храме жертвы Макоши и говорившая от имени богини. На Избрану тоже смотрели с ожиданием, и она выше поднимала голову. Не так-то беспочвенны ее притязания, как некоторым кажется.

В княжьих палатах они еще из нижних сеней услышали, как наверху причитает протяжный женский голос. Идти туда не хотелось, как лезть в холодную воду, но – надо. Три дня после смерти душа еще витает возле тела, поэтому само тело до сих пор оставалось в той же горнице, где князь Велебор умер. Обмытое и обряженное в лучшие одежды, оно лежало на меховых покрывалах, и стиснутые мертвые руки были украшены серебряными браслетами и перстнями. Но само это тело было уже не более чем одеждой, которую душа сбросила и теперь смотрит на нее извне, как любой, сняв платье, стал бы на него смотреть со стороны...

На открытом окошке висело вышитое полотенце, одним концом наружу, а на лавке возле окна был положен хлеб и стояли две чаши: в одной была сыта, то есть мед, разведенный водой, а в другой просто чистая вода – душе умыться. Здесь же сидели несколько женщин во главе с княгиней Дубравкой. Нельзя сказать, чтобы при жизни княгиня с мужем очень ладили, недаром же она в последние годы гораздо больше времени проводила в святилище Макоши, верховной жрицей которой, по обычаю, бывает старшая женщина княжеской семьи. Но сейчас

княгиня хорошо понимала, в чем ее долг. Ее красивое, еще не старое лицо было все в слезах, глаза опухли, и голос, когда она шепотом поздоровалась с детьми, оказался сорванным от плача и крика.

Войдя, Избрана вскрикнула, бросилась к лежанке, упала на колени и запричитала. Зимобор постоял немного и вышел.

Он вернулся поздним вечером, когда княгиня с дочерью ушли. Наступала последняя ночь, которую покойный проведет под родным кровом. Горела лучина, почти ничего не освещая. На трех лавках сидели три старухи, по обычаю обязанные «сторожить душу», и пели заунывными тонкими голосами:

Прилети ко мне сизым голубем,
Сизым голубем, ясным соколом,
Ясным соколом, белым лебедем...

Увидев Зимобора, они не прервали пения, и он тихо сел на край лавки возле двери. Подходить к телу ближе не хотелось, и он просто сидел, пытаясь уловить присутствие того, кого в этом теле больше не было.

Отец был в его памяти как живой, и новая встреча казалось такой близкой, что мысли о ней почти излечивали его тоску. Вспоминалась мать, которая теперь соединится с отцом среди цветов Сварожьего сада, и там-то им не будет отравлять жизнь упорная ревность княгини Дубравки. Зимобор даже чуть улыбнулся в полутьме: его родители ушли туда, где княгиня их не достанет. И надо думать, еще довольно долго.

Зато там с ними будет дед по матери, староста Кореня. Дед был всегда весел, часто смеялся, на внука-княжича глядел с почтением и восхищением, даже с благодарностью, понимая, что почетным положением обязан ему, вернее, его существованию. Корени тоже давно нет, но Зимобор видел его так редко – не чаще раза в год, – что потери почти не ощутил. К тому, что нет больше матери, он привыкал года три-четыре. И в то, что и отец его покинул, он не мог поверить даже сейчас, видя перед собой тело.

Три старухи пели, прославляя душу умершего в его нынешней новой жизни:

Конь тебе теперь – туча черная,
Меч тебе теперь – злата молния.
Ты копьем пробьешь сизо облако,
Зелены луга сбрызнешь дождичком,
Вечером пошлешь темну ноченьку,
Утром приведешь зорьку ясную...

Да, у князя Велебора теперь другие дела и заботы. А ведь даже ему не приходилось править такой разоренной землей! Зимобор ужаснулся, впервые отчетливо представив, какая тяжесть дел и забот теперь достанется наследнику. За две голодные зимы население сократилось, а оставшееся обнищало, многие поля заброшены, скотины осталось мало, домашней птицы вообще почти никакой – всю съели, пока сама не передохла с голоду! Еще не год и не два кривичам придется перебиваться дичью и рыбой, пока удастся поправить хозяйство. От голода и безысходности многие роды, разорившись и поуменившись в числе, подались в разбой на реках – разбойничьи ватаги надо вылавливать, обеспечивать безопасность торговых путей, а для этого опять нужны дружина, оружие, ладьи, кони. А на какие средства, откуда все это брать, если с разоренного населения большой дани не возьмешь?

А старухи тем временем распевали по очереди – видно, начали уставать, – как отец просится у Рода¹⁴, чтобы отпустил его посмотреть на оставленных детей:

Ты пусти меня тучей по небу,
Я к земле сойду частым дождичком,
Заглянул в окно ясным солнышком,
Погляжу своих милых детушек,
Хорошо ли живут, не печалются ль?

Уголек с лучины упал в лохань с водой, зашипел, маленькое крылышко пламени взмахнуло в последний раз и свернулось. Очнувшись от своих мыслей, Зимобор заметил, что старухи уже какое-то время не поют, а спят сидя – две посапывают, одна похрапывает. Прямо в окошко смотрели три яркие звезды – Три Вещие Вилы, поставленные освещать дорогу в Ирий и провожать освободившиеся души. Белое полотенце, перекинутое за окно, казалось дорогой, озаренной звездным светом.

Полночь.

Но не успел Зимобор осознать, что ему пора уходить отсюда, как из окошка повеяло легким, но ощутимым свежим ветерком. И Зимобор остался на месте: его коснулось нечто, сковавшее смертного и лишившее воли. С ветерком в горницу влетел прохладный, но сладкий и манящий запах звезд. Что-то спускалось в горницу из неведомых и недоступных высот, тем самым поднимая ее из земного мира в надземный.

Что-то шло по белой дороге через окно, мелькнула одна тень, вторая, третья. Они были слиты, как части единого целого, но каждая несла что-то свое, что делало все три такими нужными друг другу.

...Пискнул новорожденный младенец, но сразу затих; прозвенел весенней капелью отголосок девичьего смеха, и вспомнились белые стволы берез, свежий вкус березового сока, прохладная зеленая тень коснулась щеки...

...Доносился голос зрелой женщины – слов было не разобрать, но звучал он бодро и утешающе, словно советуя, как одолеть небольшую житейскую беду; веяло запахом горячего хлеба, дышала паром каша в горшке, снятая с печи, и даже вроде громыхнул ухват...

...Кашлянула старуха, осипшим голосом приговаривала она что-то ритмичное и бессмысленное, как детские потешки, которыми успокаивают младенцев, еще не понимающих речи; веяло запахом свежескопанной земли, влажным духом палой листвы, несло дымом зимней печи, духотой натопленной избушки, а старуха все бормотала что-то неразборчивое, то ли сказку, то ли воспоминание, а звонкий детский голос вроде бы перебил ее каким-то вопросом, но робко затих...

Все это вспыхнуло в один миг, навалилось и погасло, ушло вдаль и растаяло в темноте. Но горница стала иным местом, сам воздух изменился. Рядом ощущалось присутствие кого-то другого, более сильного, чем три спящие причитальщицы. Зимобор оцепенел: его мысли и чувства умерли, тело не ощущало само себя, он весь был словно обнаженная душа, лицом к лицу с тремя иными существами, которые видят только душу и только с ней говорят, хочешь ты того или нет. И нет такого щита и покрова, которыми можно закрыться от их всепроникающих взоров. Его переполнял ужас перед своей беспомощностью, жуть перед потусторонним, прихода которого он здесь так неосторожно дождался, – и вместе с тем благоговение и восторг перед силой, вершащей судьбы. Они были словно три черные двери в темноте, каждую окру-

¹⁴ Род – один из самых могучих и притом самых темных и непонятных славянских богов. То ли это род как предмет поклонения, то ли еще одно имя кого-то из богов, претендующих на роль создателя вселенной, – короче, обобщенное мужское божество в противовес женскому или женским, которые в этом случае называются Рожаницы.

жало чуть заметное пламенное сияние, и было ясно, что внутри этого очерка – не пустота, а такая наполненность, что ее невозможно охватить глазом. Он был перед ней ничто, его могло раздавить одно присутствие этой силы – но не давило, потому что любой человек так или иначе живет рядом с ней, внутри нее и ее же носит в себе от рождения до смерти.

Три тени сошлись вместе у ложа мертвого князя. Была третья и последняя ночь – ночь окончательного исхода души. Три тени пели, без голоса и без слов, их песня была в чем-то схожа с унылыми песнопениями старух причитальниц, но настолько же выше и прекраснее их, насколько созвездие Вещих Вил выше трех сизых светлячков.

...Долго пряли нить Небесные Пряжи, но и ей пришел конец... Старуха тянула нить, Мать мотала на веретено, но настал срок, взяла Дева железные ножницы, отрезала золотую нить, освободила душу от тела... Теперь смотана пряжа, натянуты нити на ткацкий стан, снует проворный челнок – ткнут Вещие Вилы рубашку для души, ибо прежняя одежда лежит недвижна и безгласна и не может более служить ей... Омоют Вещие Вилы рубашку в колодце Макоши, развесят на солнечном луче, выбелят белыми облаками. И пойдет душа в чистой одежде по радужному мосту, что ведет в Ирий, там увидит дедов и бабок, там увидит лицо Вечного Отца, сияющее ярче солнца...

Из черных пятен постепенно выступали три женские фигуры в черных одеждах, под широкими покрывалами, на которых играли звездные искры. Первая – сгорбленная старуха – бойко двигала челноком, вторая – рослая, крепкая, как женщина в расцвете сил, – сматывала готовую ткань, а третья – стройная и гибкая, как звонкая молодая березка, – стояла с железными ножницами в руках, чтобы раскроить ткань, сотканную из нити жизни. Ножницы блестели так остро и больно, что хотелось зажмуриться, но Зимобор не знал, открыты ли у него вообще глаза или закрыты, – ранящий блеск притягивал, и не смотреть на него было нельзя.

Ножницы щелкали, три Вещие Вилы склонились головами над работой, сшивая рубашку. И, наблюдая за этим, Зимобор наконец осознал, что с отцом у него нет отныне ничего общего. Отец теперь во властивил, и к потомкам он сойдет теперь разве что частым дождичком, как пели старухи. А все, что привязывало его к земной жизни, окончено и отрезано безвозвратно.

Вот Старуха сгорбленной тенью скользнула к окну, ступила на белое полотенце и шагнула прямо туда, в свет своего созвездия. За нею последовала Мать, и луч начал меркнуть. Неслышная песнь затухала, сам воздух делался теплее и плотнее, действительность постепенно обретала привычные очертания. Звездный мир отступал, как вода, оставляя живого человека на берегу обыденности...

Легкая стройная тень Девы проплыла к окну, но задержалась и вдруг обернулась к Зимобору. По его лицу скользнул невидимый, но осязаемый взгляд, повеяло ландышем – запах был свежий, сладкий, прохладный, тревожащий и манящий.

– О чем грустишь, ясный сокол? – прозвучал прямо в ушах нежный шепот, и мягкое дуновение, как бесплотная, но теплая рука, ласково коснулось щеки. – Отец твой хорошо свой век прожил, рубаша его души вышла белая и гладкая, и в Ирии не придется ему стыдиться узлов и пятен. И не чужие его там ждут, а предки и родичи, деды и бабки, пир ему приготовили, и не простой, а свадебный. Невеста его – лебедь белая, краса ненаглядная. Нет там болезни и старости, нет тоски и печали, только юность цветущая и радость несказанная до конца времен. О чем грустишь?

– О себе, – честно ответил Зимобор.

Он не знал, произнес эти слова вслух или скорее подумал, но та сущность, что говорила с ним, читала прямо в душе. Это была сама судьба, общая для всего людского рода, но своя для каждого.

– Отец умер, своего наследника не назвал. Я – мужчина, а сестра старше и родом знатнее, ее мать – верховная жрица, а я же на святилище Макоши дружину не поведу! Не хочу над отцовской могилой с единокровными сестрой и братом воевать, а добром они не уступят.

– Хочешь – я тебя сделаю смоленским князем, – легко пообещала темнота, и парящие звездные искры задорно мигнули. Кроме этого звездного блеска, он не видел ничего, но голос был так звонок и нежен, навевал образ такой красоты и прелести, что захватывало дух и все тяжелые мысли исчезали.

– Раздора в роду не хочу и своей кровной родне вреда не пожелаю, – тихо ответил Зимобор.

Когда тебя спрашивает *такой* собеседник, надо очень и очень хорошо подумать, прежде чем отвечать.

– Как скажешь, так и будет, – невидимо улыбнулась звездная бездна. – С древних веков обычай ведется: о чем спор зайдет, то поединком делят. Вызови на поединок того, кто не хочет признать тебя. Если вызовется быть тебе соперником младший брат, выходи на бой без тревоги – победа будет твоя. А сестра от поединка откажется – значит, опять твоя победа.

– Нет, она упряма. – Зимобор покачал головой. – Так просто не откажется. Она потребует сиротского права¹⁵ и выставит против меня своего человека, варяга. А это боец крепкий!

– Сиротское право? – Вила усмехнулась. – А ты на это ответишь перед всем народом: «Кривичи, если за вас выйдет сражаться варяг, кто же будет вами править?»

– А если она потребует, чтобы меня закопали по пояс в землю, и выйдет сражаться сама? Она это может!

– А тогда ты скажешь: «Кривичи, у вас много врагов, но ни один из них не позволит закопать себя в землю еще до битвы». Что она ответит на это? И что ответит тебе народ?

Зимобор улыбнулся: Дева Судьбы давала очень умные советы.

– Пока я с тобой, ничего не бойся, – шепнула звездная тьма. – Полюбился ты мне – я все для тебя сделаю, весь белый свет к твоим ногам положу. Полюбишь меня?

Теплое мягкое дуновение снова тронуло лицо, нежно коснулось губ, как поцелуй невидимой тени. На миг вспыхнуло ощущение немислимого блаженства, разлилось по жилам, наполнило до корней волос и растворилось в крови, растаяло, как кубок драгоценного вина, вдруг вылитый в широкую реку.

Зимобор открыл глаза. Проснулся... А он спал? Сидя на лавке, привалившись спиной к беревенчатой стене? Спали три старухи – одна храпела, две посапывали. Горница снова стала такой, как всегда, на лежанке распростерлось мертвое тело князя, уже окончательно сброшенная одежда души.

Нет, он не спал. Зимобор протер лицо, взъерошил волосы. Небо за окошком побледнело, созвездие Трех Вил погасло. Близилось утро, давно уже бы кричали петухи, если бы в Смоленске сохранился хоть один.

Он не спал. Младшая из трех Вещих Вил, Дева Будущего, говорила с ним. Обещала помощь. Он хорошо помнил ее советы, но не мог сообразить, что же такое она сказала ему на прощание. Что-то такое хорошее, но... тревожное. Что-то слишком невероятное, чтобы быть правдой.

Но где-то в глубинах сохранились последние отголоски, воспоминания о мгновенном блаженстве, которое подарило ему ее прикосновение. Это было на самом деле, такого не выдумашь.

Храпящая старуха вздрогнула, обвалилась с лавки на пол, завозилась – проснулась. Зимобор неслышно встал и скользнул за дверь, благо ее смазали, чтобы не скрипела. Никому не надо знать, что он провел возле тела последнюю земную ночь души. То, что с ним случилось, принадлежит только ему.

¹⁵ «Сиротским правом» назывался обычай древнего суда: в случае назначения судебного поединка тот, кто неспособен биться сам, например женщина, мог выставить вместо себя другого бойца.

* * *

В последующие дни княжий двор был полон гостей: понаехали старейшины со всех подвластных земель, и княгиня принимала их весьма радушно и с почетом. Собрать, как в былые времена, всех взрослых свободных мужчин племени было уже невозможно, и прибывали только старейшины, которые будут говорить от имени своих родов – с верхнего течения Днепра, с Вопи и Вотри, с верховий Сожи (там жило немало радимических родов, плативших дань смоленскому князю), с Каспли и Осьмы. С Торопы приехали новый староста и его родичи, знавшие Кореню. Из уважения к княжьей родне им достались довольно почетные места в гриднице, но, строго говоря, знатностью они похвастаться не могли.

По вечерам в гриднице, где собиралась вся смоленская и приезжая знать, не утихали споры. Бояре и старейшины хотели что-то решить между собой еще до веча, но договориться никак не удавалось.

– Служил я князю Велебору верно, в чем дух его над нами свидетель! – говорил воевода Беривой. – Хочу и дальше роду Велеборову, роду князя Тверда и потомков его, служить. Перун и Макошь князя Велебора благословили добрыми сыновьями, и сыну его старшему Зимобору я в верной службе поклянусь. Кто обычаем предков чтит и племени кривичей славы хочет – тот говори как я. Верно говорю, дружина?

– Верно! Верно! Хорош у князя старший сын – лучше нам не надо! – кричали кмети ближней князевой дружины. Они дружили с Зимобором, не раз ходили с ним в походы и были совсем не прочь увидеть именно его своим новым повелителем.

– Дай я скажу! – вышел вперед Секач. – Не одним сыном боги князя нашего благословили. Старшее его дитя – княжна Избрана, и в ней благословение богов. Мать ее княгиня Дубравка род свой ведет от воевод Белояричей, от князя Белояра, сына Вербницы и Стоимира, внука князя Волеслава. В ней две реки княжьей крови священной сливаются воедино. И княжна Избрана, как заря ясная, земле кривичей послана богами. После всех неурожаев нам больше всего милость Макоши нужна, чтобы поля наши родили, скотина плодилась. А чьи мольбы скорее услышит Великая Мать, как не правнучки и служительницы своей? Пусть княжна Избрана будет княгиней – тогда благословят боги нас и землю нашу! А случится война – изберем воеводу, как предками завещано.

Никто не ждал, что грубоватый боярин сможет говорить так красиво и гладко. Подобной речи следовало бы ожидать от волхва, и волхвы, кстати, согласно кивали, слушая боярина. Зимобор заметил напряженное лицо княгини Дубравки и сообразил: истинным творцом этой красивой речи была она, а Секач ее затвердил, как ребенок, чтобы теперь произнести своим громким уверенным голосом.

Но гораздо больше удивляло то, что Секач поддерживает уже не Буяра, своего воспитанника, а Избрану. Правда, удивлялся Зимобор недолго. «Изберем воеводу...» Понятно, кто будет этим воеводой. Похоже, Дубравка и Избрана твердо пообещали Секачу, что эта должность будет его, и поклялись той самой богиней, именем которой он теперь убеждает остальных...

– Да большой милости на княжне не видно! – крикнул Бражко, староста смоленских кузнецов. – Мужа у нее Макошь быстро отняла, детей не послала. А больше замуж она идти не хочет, вон какие князья к ней сватались, а все попусту! Ждет, что ли, когда к ней Белый Всадник явится, сам Перун?

Поднялся шум, все заговорили разом.

– Не гневи богов! – возмущенно крикнула княгиня. – Сам Перун будет ей небесной защитой, а на земле защитник найдется!

Тесня друг друга, вперед выбрались несколько старост и волхв. Все заговорили разом, но только мешали друг другу. Княгиня злилась, но не могла их прервать. Кмети и даже челядинцы зашумели.

– А ну тихо! Молчи! – кричал Беривой, размахивая могучими кулаками. – Говори один! Не на торжище!

– Княжна Избрана благословение богов, на ней лежащее, явила нам! – выкрикивал волхв Радомысл, которого выпустили-таки вперед. – После славной княгини Летомиры, после Вербницы, дочери Волеслава, не бывало у князей смоленских такой девицы, как княжна Избрана. Разумом она остра, как молния Перунова, помыслом быстра, как вихрь Похвистов, мудрость ее, как море Варяжское, широка, как Велесово подземелье, глубока. Суд она судить может, ибо все законы и обычаи ей ведомы, и справедливостью ее Перун наградил в полной мере. Духом она тверда, как меч булатный, и нет такой беды, какая ее устрашила бы. Разумность, справедливость, доброту и милость дадут нам боги в ней.

– Коли так она хороша, так забирайте ее себе в святилище, нам не жалко! – опять закричал староста Бражко. – Отдадим, да всех ее варягов крутолобых в приданое дадим! А князь должен меч в руке держать, а не веретено!

Опять поднялся шум, в гриднице засмеялись.

– Княгиня Летомира правила Смоленском, пока князь Зареблаг во взрослый разум не вошел, и никакого урона не было земле кривичей! – крикнул Секач.

Он напоминал о том случае, когда новым князем был избран семилетний сын прежнего – правда, его мать, княгиня Летомира, и при жизни мужа пользовалась большим уважением. А ее родной брат был прославленным воеводой, так что, собственно, этим-то двоим вече и вручало судьбу племени. Сам Зареблаг, повзрослев, оказался далеко не таким способным правителем, как его мать, и после него был выбран человек из другого рода. То есть Велебор Старый. Но все же женщина когда-то правила днепровскими кривичами, хоть и от имени сына.

– Так у нас есть княжич в разуме – куда уж лучше! – отечал ему Беривой, взмахом показывая на Зимобора. – Ждать нечего!

Кругом кипел спор, только сами Избрана и Зимобор молчали. Их черед говорить еще не пришел. Избрана держалась прямо и гордо, только ее тонкие брови сдвинулись, а глаза сверкали острым блеском, как две голубые звезды. А Зимобор думал о той ночи, когда три Вещие Вилы шили рубаху для Велеборовой души. «Хочешь – сделаю тебя смоленским князем», – сказала ему Дева, та самая, во власти которой переменчивое и ненадежное будущее. Сама судьба была на его стороне, и что значили перед ее волей все происки княгини Дубравки, все вопли ее сторонников? Ему дана такая сила, которую не одолеет никто. Страх перед нечеловеческим существом прошел, теперь Зимобор твердо верил, что младшая из Вещих Вил поможет ему.

Но не только надежда на помощь его согревала. Дева не показала ему своего лица, но ее нежный, ласковый голос, чарующий аромат ландыша, само ощущение блаженства от ее присутствия кружили голову даже в воспоминаниях.

– Если княжна Избрана так хороша и богами любима – место ей в святилище, пусть богам служит! – кричал тем временем десятник Достоян. – А на княжьем престоле мужчина нужен! Засмеют нас, кривичей, все земли, если мы при двух взрослых сыновьях княжеских на престол девицу посадим!

– А кто смеяться вздумает, тот вот что понюхает! – Секач выразительно показывал собственный могучий кулак.

– Надо вопрошать богов, кто угоден им на престоле смоленском! – восклицала княгиня Дубравка.

Вопрошать богов... Княжеский посох со смертью Велебора забрали в святилище, и теперь он ждет нового владельца перед идолом Сварога. И волхвы не отдадут его тому, кто не угоден... богам? Или самим волхвам? Ведь читать божественную волю будут они сами.

Крики становились все громче и беспорядочнее, никто уже не слушал других, ожесточение нарастало. Пора было вмешаться, пока дело не дошло до драки.

Зимобор встал и поднял руку.

– Тихо! – рявкнул на расходившуюся толпу воевода. – Дай княжичу сказать!

– Не буду оспаривать достоинства сестры моей Избраны, но и себя в обиду не дам! – сказал Зимобор. Народ умолк, люди тянули шеи и хмурились, стараясь ничего не упустить. – О чем вы спорите, кривичи? Не дочерям своим, но внукам отдал Крив в наследство свою землю. И не девицы, но мужчины из рода князя Тверда наследуют его престол. Я, Зимобор, старший сын князя Велебора, заявляю свое право на престол моих предков. Если кто-то видел мою трусость – пусть сейчас выйдет и скажет. Если кто-то терпел от меня обиду или несправедливость – пусть выйдет и скажет. Именем Перуна я вызову на поединок любого, кто хочет оспорить мое право.

– Вот молодец! – одобрительно воскликнул Беривой. – Это дело! Нечего богов гневить бабьей болтовней.

– Я выставлю человека биться за мое право! – звонко объявила Избрана и тоже вскочила, словно само ее сердце рвалось в битву.

– Что это за человек? – быстро спросил Зимобор.

Избрана поймала его пристальный взгляд и поняла, что он для нее приготовил подвох. Но отступить она не могла и не хотела.

– Вот мой человек! – Без раздумий она показала на Хедина, стоящего чуть позади нее, и варяг расправил плечи в знак своей готовности.

– Кривичи! – Зимобор обернулся к гриднице. – Если за вас будет биться варяг, кто же будет вами править? Хотите, чтобы чужак был вашим воеводой?

По толпе пробежал гул: вручить варягу оружие на священном поединке означало дать ему и в дальнейшем слишком много прав. Лицо Избраны дрогнуло: она поняла, что такая замена и негодна смолянам, и опасна в будущем для нее самой.

Но ее не зря хвалили за твердость духа: она была готова на все, лишь бы настоять на своем, и первое же препятствие не могло ее остановить. Мать порывалась что-то тайком подсказать ей, но она не слушала.

– Тогда... – так же звонко, со стальной решимостью объявила Избрана, – тогда я сама буду биться с моим братом! Как велит обычай: пусть его зароют в землю по пояс и дадут мне оружие – я своей рукой отстою мое право!

Толпа опять заволновалась: смелость и сообразительность княжны вызвали восхищение.

– Эх, жаль, что двое вас! – задорно крикнул кто-то из смолян. – Ни одного князя – беда, а двое – две беды! Один бы кто из вас был – вот тут бы мы зажили!

– Кривичи! – воскликнул Зимобор, перекрикивая возбужденный шум. – У вас много врагов! И ни один из них не позволит зарыть себя в землю еще до битвы!

Толпа шумела не переставая: теперь посадить на престол девицу казалось невыносимо, и сами разговоры об этом выглядели досужей болтовней. Княгиня Дубравка в ярости сжала кулаки: все ее приготовления оказались напрасны. Даже если бы Зимобора не поддерживал ни один человек, он все равно имеет право отстоять свое наследство поединком. Даже вече едва ли пойдет против воли богов, явленной на божьем суде. А ее дочь не могла даже принять вызов, и древняя слава, на которую они хотели опереться, повернулась против них!

– Да, у нас много врагов! – воскликнула княгиня. Все же не зря эта женщина вела свой род от богов и много лет правила главным святилищем днепровских кривичей. – Но ты, Зимобор Велеборич, можешь ли ты сказать, что *у тебя* нет врагов?

– О чем ты, матушка? – изумился Зимобор. Что у него имеются враги, видел даже слепой, но едва ли княгиня говорит о себе!

– Скажи-ка, нет ли у тебя врагов *на Той Стороне*? – внушительно и вместе с тем вкрадчиво намекнула княгиня. – Все знают, даже если кто-то забыл, что княжич Зимобор был обручен, что невеста его умерла, но не дала ему свободу! Он связан с мертвой, связан обручальным кольцом и обетом, и она считает его своим! Все об этом знают! – Дубравка с торжеством обвела взглядом притихшую толпу. – Все знают, что мертвая невеста не позволяет Зимобору найти себе жену. Всякую девушку, что полюбит его, душит и сушит мертвая! Как можете вы, смолинцы, отдать свою судьбу в руки человеку, который связан брачным обетом с мертвой!

– Ну, мать, это ты что-то... не того загнула... – Беривой тоже был ошарашен, но пытался найти возражение. – Если так рассуждать... Это что же тогда – если у кого жена померла или там, скажем, муж... Ты, княгиня, – вдова! И дочь твоя – вдова! – осенило его. – Так что же теперь – и вас по ночам мертвые мужья душить придут? Так, что ли? Чем вы лучше то, ты мне скажи?

– Мой муж достойно погиб и достойно погребен, он ни разу за семь лет не тревожил моего покоя, а по прошествии семи лет я снова свободна, как девица! – с торжеством объявила Избрана. Ее глаза сияли, она гордилась умом своей матери, который, разумеется, и сама унаследовала. – А что мы знаем о смерти твоей невесты? – Она бросила на Зимобора поистине уничижительный взгляд. – Скажи, ты знаешь, как она умерла?

Зимобор молчал. Он этого не знал. Посланцы полотеского князя просто сообщили о смерти малолетней невесты, безо всяких подробностей, а спросить ему не пришлось в голову. Мало ли от чего умирают девочки-подростки? Марена никого не щадит – ни старых, ни малых, ни простых, ни знатных.

– Ты не знаешь! – Избрана правильно истолковала его молчание. – Тебе не сказали правды. Наверняка дочь князя Столпомира умерла дурной смертью!¹⁶ Поэтому ей нет покоя в могиле. И поэтому она не даст покоя тебе! Никогда! Она погубит тебя, а ты навлечешь на землю смолян великие беды! Ты никогда не сможешь жениться, потому что она задушит любую твою избранницу! У тебя не будет детей, и ты не оставишь наследника! Так не лучше ли тебе... не навлекать на нашу землю такой опасности, от которой не можешь защитить?

Понятно... Последний пример ревнивой злобы его мертвой невесты – Стоянку из Полоха – все видели вот только что. А Буяр наверняка пожаловался матушке. А матушка сделала выводы... И попробуй ее опровергни...

– Так, может... это... Ее прогнать как-то можно? – Десятник Моргавка вопросительно посмотрел сначала на княгиню, потом на волхвов. – Невесту-то эту пропащую?

– Может, и можно. – Громан, верховный жрец смоленского Перунова святилища, пожал плечами. – Может, и можно. Только сперва надо выяснить, отчего она умерла, где похоронена, могилу искать, вопрошать Велеса, – он кивнул в сторону Велесовых волхвов, одетых в медвежьей шкуры, – чем она недовольна, жертвы приносить... Еще вызнать, какая жертва ей угодна... А мало ли чего она запросит! Княжеский сын – дорогая добыча, за цыпленка не выкупишь!

А Зимобор снова вспомнил о Вещей Виле, и у него мелькнула надежда. Она – та, кто перерезает нити человеческих жизней. Она несомненно знает о его мертвой невесте все, как знает обо всех живших и умерших, сколько их ни было.

– А может быть, это не так трудно, как ты думаешь! – ответил он Громану, уже без прежнего уныния глянув на жреца, а потом на княгиню. – Я узнаю, как она умерла и чего теперь хочет. Это моя невеста, и я сам с ней разберусь. А живые пусть на нее не надеются и за мертвую не прячутся. Что я сказал про поединок – так и будет.

¹⁶ «Дурная смерть» – смерть по каким-то причинам природного происхождения: утонуть, пропасть в лесу, упасть с дерева, быть убитым молнией, загрызенным зверем и т. д. В такой смерти выражался гнев богов, и очень долго сохранялось представление, что умершие «дурной смертью» не лежат в могиле, а выходят и причиняют вред живым.

– Так и поединщик тебе будет! – рявкнул Секач и, схватив за плечо, вытолкнул вперед Буяра. Тот опять был порядком пьян: на щеках его полыхал румянец, а душу переполняла отвага.

– Я выйду на суд божий против брата моего Зимобора! – крикнул и сам Буяр. В раздоре старших брата и сестры он мог неожиданно оказаться победителем. – Я тоже – сын князя Велебора и княгини Дубравки, во мне кровь Тверда и Белояра! Если я одолею – я буду смоленским князем!

– Нечего тут разговоры разговаривать! – раздавалось со всех сторон. – Как повелось! Кто одолеет – тот наш князь! Тот богам угоден! А кто проиграет, тот, стало быть, больше не спорь! А драться нам нечего, чтобы всю землю нашу в чужую добычу отдать!

Но выступление нового поединщика Зимобора не смутило. «Если вызовется быть тебе соперником младший брат – выходи на бой без тревоги, победа будет твоя», – обещала ему Та, Которая Знает. Буяра как соперника он не боялся, поскольку был сильнее, опытнее и хладнокровнее. Всю свою жизнь они чуть не каждый день сражались тупым учебным оружием, и ни единого раза Буяр у него еще не выиграл. Только спяну тот мог об этом забыть, а Зимобор хоть сейчас мог перечислить все те ошибки, которые Буяр наверняка сделает. А значит, если мертвая невеста не вмешается опять, он уже может считать себя новым смоленским князем.

* * *

Неподалеку от крайних смоленских дворов широко раскинулось так называемое Княжеское поле. Когда-то давным-давно там был погребен князь Тверд, основатель города и старший внук древнего Крива. Его курган и сейчас еще возвышался над всеми, а вокруг за века вытянулись курганы других знатных родов – длинные, способные вместить прах множества умерших. Небольшие родовые насыпи простых смолинцев были разбросаны поодаль. Огромный жальник с годами все рос, и в поминальные дни здесь было оживленно: везде дымили костры, греющие души дедов и бабок, на высоких курганах знати приносились жертвы и пелись поминальные песни, везде слышался говор – живые рассказывали мертвым про оставленную ими жизнь.

Все дни, пока готовилось погребение, старухи со всего города, распутив седые космы и посыпав головы золой, причитали по умершему князю.

Одолеет нас забота неизбывная,
Зашибет тоска-кручина горемычная:
Без тебя, могучий князь-отец,
Не запашутся поля наши широкие,
Не взойдет трава в лугах зелененьких,
Не пойдет к нам рыба в сети, в неводы,
Не пойдет нам к зверь лесной в копье, в стрелу,
Не пойдет и птица в частый перевес...

Вечером последнего дня перед погребением дружина собралась на кургане князя Тверда. Он был хорошо виден на Княжеском поле, потому что был самым высоким и широким. По преданию, сам князь Тверд завещал перед смертью: «Пусть над тем насыплют курган выше моего, кто превзойдет меня славою дел своих». Такого удалца, конечно же, не находилось: древние подвиги тем и священны, что они неповторимы, и превзойти их нельзя, как нельзя достать рукою до неба. Песни о подвигах всех трех внуков Крива – как они выросли и мужали, как добывали себе оружие, коней и жен, как строили свои города, как расчищали свои земли и как погибли, самой смертью вложив в потомков чувства ужаса и гордости, – пелись отдельно. Тот самый Дивий бор, где дети князя Велебора недавно охотились, тоже видел юношеский

подвиг князя Тверда – он изгнал оттуда Змея, жившего в Змеевой горе, и за это смолинцы, терпевшие от чудовища неисчислимыя беды, избрали победителя своим князем...

В густеющей прохладной тьме весеннего вечера еще издали было видно дрожащее пламя. Цепочка огней колебалась примерно на высоте человеческого роста и ограждала довольно большое пространство. При взгляде на эти факелы Зимобора пробирала дрожь. Ребенком, пятнадцать лет назад, он уже видел эту цепочку из огней, горящих как бы на воздухе, как бы сами по себе. Стена из факелов на высоких подставках окружала временную могилу, куда тело помещали перед погребением. Когда-то он видел внутри такой временной могилы своего деда, князя Годомысла. Зимобор и сейчас помнил это зрелище: выдолбленный дубовый ствол, в нем, как птенец в яйце, лежит тяжелое неподвижное тело со страшным, опухшим мертвым лицом под боевым шлемом, с седыми усами, такими знакомыми и совсем чужими... Зрелище было жуткое и неприятное. Невозможно было поверить, что там, за этими огнями, теперь точно так же лежит отец. Вернее, то, что от него осталось. Сброшенная одежда души, которая давно ушла по радужному мосту в белой рубахе, сотканной из нити дней и дел его...

Пронзительный голос плакальщицы взлетел последний раз и умолк: ночью не причитали. Ночью мертвец был опасен: ведь неизвестно, какое порождение мертвого мира пожелает воспользоваться освободившимся телом. Для безопасности и зажигалась цепочка освященных огней, позади нее ставили второй заслон, из воткнутых в землю копий, остриями вверх. Места плакальщиц занимали волхвы, с железными ножами и секирами, с трещотками и билами, которыми они гремели всю ночь, отгоняя Марену и все ее черные порождения.

Красноватое поле вечерней зари на закате все больше одевалось ночной темнотой, отблески багряных лучей таяли – солнце умирало на ночь, отдавая землю во власть тьмы. Священные огни сиротливо трепыхались на ночном ветерке и казались такими жалкими под черными крыльями Марены. Стало холодно, и Зимобор чувствовал себя бесприютным, словно изгой¹⁷, а не наследник славнейшего из кривичских князей.

Хорошо, что Судимир позаботился о бочонке березовой браги: она и согревала, и прогоняла излишнюю мрачность, помогая в этом тем песням, которые тут сегодня пелись. Воевода Беривой сам, играя на гусях, густым голосом пел старинные песни о подвигах князя Тверда и его битвах:

Выходил тут князь во поле во широкое,
Начал он по полюшку похаживать,
хватались за князя три велета¹⁸:
Он первого велета взял – растоптал,
Второго велета взял – разорвал,
А третьего велета взял он за ноги,
Стал он по полю похаживать,
Начал сильными руками помахивать,
Стал велетов поколачивать:
В одну сторону махнет – станет улица,
В другую махнет – переулочек!

Уже совсем стемнело, на вершине кургана горел костер, и на верхушке каждого из старых курганов тоже был виден огонек. Казалось, сами курганы проснулись и переглядываются между собой, правят своим собственным ночным вечем. Зимобору были хорошо видны все

¹⁷ Изгой – изгнанный из рода, что в ранние эпохи означало как минимум гражданскую смерть, а затем и физическую, поскольку выжить в одиночку было практически невозможно.

¹⁸ Велеты – одно из западнославянских племен, живших примерно в районе современной границы между Польшей и Германией. Они же вильцы или лютичи. Слово «велет» также употреблялось в значении «великан».

эти огоньки в ночной темноте, и казалось, что это светятся души умерших. Он знал каждого из них – князя Тверда, которого сейчас восхваляет песней Беривой, и следующих смоленских князей – Вышегора, Волеслава и его сына Вербнича – их род тоже пытался было утвердиться на смоленском престоле навсегда, но прервался. Здесь были князь Блискав, отец будущей княгини Летомиры и ее брата-воеводы, ее муж князь Девясил, князь Зареблаг. Княгиня Летомира, которая четырнадцать лет мудро и благополучно правила кривичами, удостоилась особой чести – ей возвели отдельный курган, и прах ее потомков клали под его насыпь. Секач с Красовитом тоже когда-нибудь туда попадут...

Одним из самых любимых в Смоленске было сказание о том, как княгиня Летомира сама ездила за море сватать своему сыну невесту, хитростью и мудростью отбилась от посягательств на нее саму заморского правителя и привезла Зареблугу невесту, прекрасную, как ясная звезда, от которой родился его сын Громник. О Зареблуге и Летомире была и другая песня – о том, как взрослеющий княжич, входя в силу, вызывал на кулачный бой целые роды и всех побивал, приходя в такое иступление, что только одной его матери и было под силу его унять, о чем ее слезно просили отцы и матери:

Добрая ты наша княгинюшка,
Прими ты от нас дорогие подарочки,
Самоцветных камней да черных соболей,
А уйми ты дитя твое милое,
Молодого княжича удалого!

Все это было живо, ярко – прошлое никуда не делось, оно существовало здесь и сейчас, наравне с настоящим и будущим, и только легкая невидимая грань скрывала его от невнимательных глаз, но для Зимобора этой грани сейчас не было. Река времен едина, и чуткая душа может жить в любой ее струе. Даже те потомки Тверда, которым не суждено было княжить, – воевода Красногост или воевода Молислав, отец Велебора Старого, – все они были здесь. Они стояли цепью, как воины в строю, вдоль длинной насыпи Твердова кургана, и Зимобор вдруг ощутил, что на темном, пока пустом краю есть место для него. А за ним потянутся сыновья, внуки, обретая свое место в строю поколений... Сердце сильно билось, дух захватывало.

А с неба смотрели на него звездные глаза той, которая обещала ему победу всегда и во всем. Она сказала: «Ты будешь смоленским князем», и Зимобор уже чувствовал себя им. Предки смотрели на него десятками огненных глаз и ждали, что он не опозорит свою кровь, текущую от самого Перуна.

Поднявшись на ноги, Зимобор побрел вниз с кургана в ночную тьму. Ему хотелось побыть одному, послушать землю, вдруг заговорившую с ним в полный голос, и он взмахом руки остановил кметей, по привычке потянувшихся за ним. Коньша и Жилията послушно сели: от браги у них слабели ноги, и в мыслях тоже наступала блаженная расслабленность.

У Зимобора слегка кружилась голова. Самого себя он видел как бы издали, в общем течении реки веков, и судьбу свою видел как уже свершившуюся. О нем тоже сложат песни, в которых будет все, что нужно князю: его рождение, его взросление, приобретение оружия, борьба за далекую прекрасную невесту...

А может быть... Зимобор стоял у подножия еще одного старого, темного кургана, заросшего травами, и мысленно видел старинное сказание, что часто пелось на свадьбах. Это уже случилось однажды в его роду: молодой смоленский князь Смелобран охотился в лесу, отбилась от дружины и увидел в густой чаще круглое озеро, а в нем купались девять прекраснейших девушек. Лебединое оперенье лежало на берегу, и князь тайком утащил пару крыльев. Восемь девушек обернулись лебедями и улетели, а одна осталась... От жены-вилы у князя Смелобрана

был сын, вот только сама Белая Лебедь покинула его через три года, вернулась в небо, к своей заоблачной родине... Конечно, это сказание, почти сказка, но... Но ведь одна из трех Вещих Вил сама пришла к нему и обещала что-то такое... Сердце сладко сжималась, по коже пробежала дрожь наслаждения, Зимобор сам боялся своих мыслей и упивался ими.

Непонятная сила вдруг бросила его куда-то в сторону, заставила отскочить, пригнуться и выпрямиться, в руке внезапно оказался меч, и только потом Зимобор очнулся от своих мечтаний. Он еще ничего не понимал, а тело уже сражалось, отбивая мечом удары, дождем сыпавшиеся из темноты. В свете луны Зимобор видел перед собой две, три темные фигуры с блестящими мечами в руках. Многолетняя выучка, выработанное чутье спасли его и заставили защищаться, пока мысли еще блуждали очень, очень далеко. Зимобор отбивался от троих, еще не сообразив, кто и почему напал на него, люди это или нечистые духи. Это было похоже на страшный, дикий сон: темнота, полночная луна, курган позади, густая трава погребального поля и трое черных противников, как будто вышедших из-под земли. В свете луны, облитые черными тенями, они казались огромными и безликими, но все же это были не призраки. Зимобор слышал человеческое дыхание, и в их привычках вести бой угадывалось много очень знакомого. Навьи не отличаются дружинной выучкой, приобретенной, скорее всего, не здесь, а за Варяжским морем. Но и Зимобор не зря с семи лет учился держать оружие. Его поединок за право владеть отцовским престолом уже начался – внезапно, без жертв богам и просьб о благословении, без свидетелей и судей, кроме молчаливых курганов – хотя они-то, пожалуй, и были самыми зоркими, самыми справедливыми судьями.

Противников было трое, а Зимобор был все-таки не князь Тверд, чтобы одного схватить за ноги и им же поколачивать остальных, но крутой склон кургана защищал его со спины, а вынужденные нападать все втроем спереди неизвестные бойцы мешали друг другу. Зимобор двигался, не останавливаясь даже на самое короткое мгновение, ломал расстояние между собой и каждым из троих, тем самым не давая провести каждый удар, как им хотелось, и заставляя их отражать свои собственные удары с короткого замаха – а удар с короткого замаха гораздо опаснее, потому что его не успеваешь понять. Криков он не слышал, но знал, что меч его не однажды достиг цели, и двое из нападавших двигались уже не так уверенно. Сам Зимобор пока был невредим. Уходя из-под ударов, он бил, пока противник в проваленном ударе был беспомощен, – и один из них вдруг упал, получив по горлу самым концом клинка.

Двое оставшихся вдруг кинулись бежать, и Зимобор, притворившись, будто поддался на древнюю, как Твердов курган, варяжскую уловку, устремился за ними. И точно угадал, когда те двое резко развернулись и бросились на него, надеясь застать противника бегущим и беспомощным. Зимобор ждал их, и теперь сами они оказались беспомощны, потому что его не было там, где они думали его застать. Быстрый удар, прыжок, еще один удар. Два черных великана рухнули в траву, но Зимобор стоял, не расслабляясь, готовый к тому, что падение – тоже уловка. Хотя едва ли. На него напали, желая убить, и оружие само работало, чтобы убить. Как ему еще в детстве объясняли, воин в бою не думает. Выработанный навык в каждом движении опережает мысль, и в этом спасение того, кому думать некогда.

И стало тихо. Луна спряталась в облака, как будто вдруг устыдилась своего участия в таком неприглядном деле, и только стебли травы слегка покачивались на ночном ветерке. Тишина стояла полная, во тьме виднелись только огоньки на верхушках курганов, и самый большой из них – на кургане Тверда. Там были люди, но отсюда их нельзя было разглядеть, и Зимобору казалось, что он остался один на один с ночной темнотой, с черными крыльями Марены, с миром мертвых, который так внезапно протянул к нему лапы и хотел утащить. Но вместо одного Марене достались трое. Кто же это?

Зимобор еще раз прислушался. Кроме него, поблизости не дышало ни одно живое существо. Все его до предела обостренные чувства улавливали покачивание травы под ветром, легчайший шорох стеблей, но ничье живое сердце рядом не билось.

Держа меч наготове, Зимобор подошел к ближайшему из упавших, но не сразу нашарил тело в темной траве. Тот был мертв. Рука Зимобора наткнулась на еще горячую кровь, и он брезгливо вытер пальцы о траву. Мертвец лежал лицом вниз. Зимобор перевернул его, но лица в темноте все равно не мог рассмотреть. На шее убитого была широкая серебряная гривна – Зимобор еще раньше слышал, как звенит его клинок, задев за нее, – а к гривне были подвешены серебряные подвески. Зимобор ощупал одну из них. Подвеска имела три конца и напоминала... торсхаммер, «молот Тора», любимый оберег варягов.

Тыльной стороной ладони, чтобы не испачкать лицо чужой кровью, Зимобор вытер лоб. Боевые приемы и обереги указывали на варягов, но что могло означать это внезапное, беспричинное нападение? Пора было закричать, позвать людей, но Зимобор сидел на земле над мертвым телом, как околдованный. Чары этого странного и страшного сна не отпускали его, после напряжения битвы тело было как чужое. Он мог бы гордиться, что довольно быстро в одиночку одолел троих противников, готовых к этой битве лучше, чем предполагаемая жертва, но радоваться Зимобор не мог. Чем лучше он осознал, что это не сон, тем больше возрастали чувства тревоги и тоски. Едва ли все это случайно. Его могли пытаться ограбить, не узнав княжича в темноте, – мало ли какой народ шатается ночью возле города, а что кругом голод и бедность, объяснять не надо. Зимобор был бы рад такому объяснению, но не верил в него. На него напали не оголодавшие смерды с дубинами.

Из-за облаков снова показалась луна, точно пытаясь внести немного света в его мысли. Зимобор поглядел на лицо мертвеца, но оно было ему незнакомо. При свете он легко нашел второго, глянул на него и вздрогнул. Здесь было трудно ошибиться – шрам через всю щеку убитого, уходивший под бороду, он хорошо помнил. Этого человека в Смоленске звали Резанный. На самом деле его имя было Хагаль, и он был из дружины Хедина...

Зимобор снова сел на землю. Осматривать третьего мертвеца было ни к чему. Убитый лежал неподвижно, трава вокруг покачивалась, и волосы шевелились на голове Зимобора, словно их двигала изнутри головы жуткая, невероятная, губительная мысль. Хедин! Варяги! Дружина Избранные... «Нет, только не это! – неведомо кого умолял Зимобор и качал головой, пытаясь отказать от своего открытия. – Только не она!»

Она не может, просто не может! Она же его сестра, они же родились в одном доме, они играли вдвоем, ссорились, мирились, то проказничали вместе, то дрались между собой, но те детские драки в глазах Зимобора служили залогом того, что теперь, взрослые, они никогда не смогут поднять руку друг на друга! Уже несколько лет, после смерти матери и при отсутствии жены, Избрана была главной женщиной в его жизни, самым близким к нему воплощением Великой Богини.

Избрана, сестра! Несмотря на соперничество последнего времени, Зимобор искренне любил сестру, отдавал должное всем ее достоинствам, хотел видеть ее счастливой и сожалел, что она видит свое счастье в обладании смоленским престолом. И уж конечно он не желал ей смерти, даже подумать не мог о том, чтобы избавиться от соперницы таким образом.

Этого не может быть. Положив меч рядом с собой на землю, Зимобор сжал голову руками, сбросил на траву ремешок со лба и запустил пальцы в рассыпавшиеся волосы, как будто так ему легче думалось. Вопреки очевидному, он отказывался верить, что этих троих подслала сестра. Княгиня Дубравка, Секач... Хедин, решивший таким образом помочь госпоже, не советуясь с ней самой. Да хоть Буяр – на это у него ума достанет, хотя это позор всему роду... Но это легче, чем если Избрана... Кто угодно, но только не она! Увидеть в сестре убийцу было для Зимобора хуже, чем увидеть ее мертвой. Это не укладывалось в сознании, мир шатался, и Зимобор не желал принимать мира, где подобное возможно.

Надо что-то делать. Надо встать, пойти к людям на Твердовом кургане. Мысленно Зимобор уже видел, как вокруг мелькают факелы, как кметы склоняются над мертвецами, слышал изумленные, негодующие выкрики, громкие распоряжения Беривоя. Уж воевода, не любящий

ни Секача, ни тем более Хедина, быстро сообразит, где искать виноватых. Но предстоящий розыск ужасал Зимобора, как будто он сам был повинен в убийстве. Ничего, если виновником окажется Хедин или даже Секач. Или даже княгиня. Но только не Избрана! Зимобор не хотел искать, чтобы не обнаружить убийцу в сестре. Любовь к ней ворочалась в сердце, как нож, рассылая по телу волны острой боли.

А ночной ветер шевелил высокую траву на могилах, и казалось, что бесчисленные мертвецы встают, протягивают руки к тому, кто уже был их собратом, но ускользнул. Мелькнуло в воздухе темное покрывало, вспыхнули высоко в небе звезды трех Вещих Вил, сверкнули железные ножницы – запричитала Старуха, охнула Мать, усмехнулась Дева, добычей которой раньше или позже станет каждый... Дрогнула на дальнем кургане огонь, стерегущий мертвого. Зимобор отшатнулся, запутался башмаками в траве и чуть не упал – земля словно потянула его в себя. Он слишком близко подошел к краю смертной бездны, слишком неосторожно заглянул на Ту Сторону – а Та Сторона не отпускает тех, кто перешел черту...

Не помня себя, Зимобор бросился прочь. Из травы под его ногами вылетали искры, сизые и бледно-пламенные, он уже не знал, обычное ли поле лежит перед ним или настоящие Смертные Поля, грань мира живых и неживых. Он уже ни о чем не думал, ему хотелось оказаться как можно дальше от этих курганов. Он бежал, не помня толком, что же такое его преследует, пытался убежать от своих мыслей, от этого ужаса – черной ночи, огней, стерегущих мервого, от хищного звона клинков, от забвения чести и долга перед родом... Он мчался через луговину, потом вдруг оказался в роще, и белые стволы берез словно бросались ему наперерез, а он уворачивался от них, как от живых. Под ногами шуршала трава, потом захлюпала вода. Задышавшись, он выбрался на другой берег ручья, упал прямо на землю под деревьями, положил голову на жесткий корень, выступающий из земли, и закрыл глаза. И все исчезло.

* * *

Когда он пришел в себя, было светло. Он лежал на побуревшей листве, а над ним простирались ветви могучего дуба. Вот отчего лежать так неудобно: старые желуди впились в бока. Голова была тяжелой, все тело болело. А главное, он ничего не помнил.

Зимобор с трудом сел, протер ладонями лицо. Плащ сбился и чуть его не задушил, пояс перевернулся, пряжка оставила на коже глубокий и болезненный отпечаток. В паре шагов впереди текла маленькая речка, шириной меньше шага, глубиной по колено. С трудом поднявшись, Зимобор сбросил плащ, расстегнул пояс, кое-как оправил рубаху, потом продрался сквозь густую осоку, снова намочил ноги, зачерпнул горстью холодную прозрачную воду, чтобы умыться. В шаге от него сидела крупная зеленая лягушка с желтыми пятнами на брюшке и смотрела на него круглым золотистым глазом, как будто хотела что-то сказать.

Опять в кощуну попал... Зимобор окинул лягушку взглядом, но стрелы возле нее не имелось. И на том спасибо. Убрал с лица мокрые волосы, он вернулся под дуб и сел. В голове был полный сумбур. Как он вообще сюда попал?

Потом он вспомнил. Ночь, песни о древних князьях, цепочка огней, висящих в воздухе вокруг временной могилы, блеск клинков под луной... Три лежащих тела. Мелькнула надежда, что все это дурацкий сон. Зимобор рванул меч из ножен и хватился за голову. Мало того, что вчера клинок не вытер, кровь засохла, портя драгоценную булатную сталь... Урод, недоумок, да в десятилетнем возрасте он не мог бы так сплутить... Бить его некому...

А главный ужас в том, что все это вовсе не сон. Значит, на него напали, он убил троих нападавших, а потом в приступе какого-то безумия сбежал сюда... Зимобор содрогнулся: ему очень хорошо помнилось, как он убегал от смертной Бездны, и это, пожалуй, ему не померещилось.

И где он теперь? Ну, найти дорогу к Смоленску он сумеет, не маленький, да и едва ли он забежал слишком далеко, хотя этот бор, ручей с лягушкой, небольшая луговина за ручьем и снова полоска леса ему не были знакомы. Так что, вставать и идти обратно?

Но что-то не пускало его встать и пойти. Что его ждет там, в Смоленске? В голове ясно, нерадостные соображения всплывали одно за другим. Его пытались убить, это несомненно. Допустим, он никому ничего не скажет. Но тех троих найдут, может, уже нашли, потому что утро, судя по солнцу, не раннее. Лучше было бы, если бы их не нашли, но не волочь же ему было, как ночному лиходею, трупы к берегу Днепра! Их найдут, пойдут разговоры, разбирательства... Никто ничего не видел... Кмети вспомнят, что он уходил ночью один, но свидетелей самой схватки не было. Допустим, вынесут приговор, как бывает, что «ни на ком не сыскалось». Едва ли Избрана будет требовать отыскания виновных. То есть если не виновата, то как раз и будет... или сделает вид, что не виновата, и будет требовать...

Мысли цеплялись одна за другую, путались, но никакого просвета за ними не показывалось.

А ведь истинный виновник, кто бы он ни был, на этом не успокоится. А значит, ему, Зимобору, будущему князю, нельзя выходить ночью одному? Ходить с кметями даже к отхожему чулану в своем собственном доме? Позор! Но все его противники – люди упрямые. Они попробуют опять. Или будут искать другие средства. А средств этих много, и все они так или иначе будут бить по целому городу, по целому племени! Значит, дети княгини Дубравки или их сторонники вовсе не готовы подчиниться божьему суду. Даже его победа в поединке с Буяром, будь она хоть трижды очевидна и убедительна, вовсе не убедит побежденных. Покоя в Смоленске не будет. А значит, ему, князю, ради этого покоя придется обидеть очень многих: выслать, заключить под стражу, может быть, лишить жизни... Зимобор не был к этому готов. Его врожденное чувство чести и справедливости возмущалось при виде того, как честь и справедливость попираются близкими ему людьми, но он не мог перенять у них эти же средства. Он хотел не власти, он хотел справедливости и соблюдения обычаев. Но хороша ли справедливость, за которую надо проливать кровь?

А вокруг была весна: на могучих дубах только-только раскрылись молоденькие, светлые и мягкие листочки, напоминающие ушки каких-то новорожденных зверьков; под ногами лежал толстый ковер из бурой прошлогодней листвы, источавший тонкий, прохладный, пьянящий запах прели. Сквозь слежавшиеся дубовые листья пробивались зеленые стрелки молодой травы, кое-где синели крупные фиалки, а поодаль, в мелких зарослях под кровлей дубовых ветвей, лежали на земле широкие темно-зеленые листья ландыша, похожие на лодки. Тонкие стебельки изогнулись как будто под тяжестью белых блестящих жемчужин, и аромат цветущих ландышей с каждым вдохом вливался в грудь. Зимобор протянул руку, сорвал ближайший стебелек, понюхал свежие кругленькие бубенчики с шестью крохотными лепесточками – и на душе полегчало. В этом сладостном запахе было, казалось, все самое лучшее, что только может дать человеку богиня Леля, весенняя внучка самой Макоши.

– Здравствуй, сокол мой ясный! – вдруг произнес звонкий, чем-то знакомый голос в нескольких шагах от него.

Зимобор поднял голову и застыл. Даже позвоночник, казалось, заledenел от того зрелища, которое ему представилось. Под дубом, среди ландышевых зарослей, стояла девушка. Она не пришла, не прилетела, а просто выросла, вытянулась из-под земли, из листьев и цветов, соткалась из густого сладкого воздуха. На ней была длинная жемчужно-белая рубаха, ее распущенные золотистые волосы спускались ниже колен, тяжелые, густые, блестящие пряди вились, словно их развевал невидимый ветер, струились, как воды золотой реки. На голове девушки был веночек из листьев и стеблей цветущего ландыша, и эти же стебельки с цветками-жемчужинками были густо вплетены в пряди ее волос, так что девушка казалась каким-то живым снопом цветущих ландышей. Кожа ее была почти такой же белой и нежной, как цветы, и чуть-

чуть сияла в полумраке под дубом. А лицо ее... Зимобор встретился с ней глазами, и душа затрепетала, точно готовая покинуть тело. Ее лицо было прекраснее мечты, а в чертах его было спокойное всезнание и невозмутимая уверенность, присущая нечеловеческим существам. В руке ее были зажаты железные ножницы.

Не в силах пошевелиться, Зимобор не мог ни встать, ни даже моргнуть. Эти ножницы с их холодным, даже хищным железным блеском не вязались с манящей нежностью ее облика, но притом казались ее неотделимой частью.

– Что же не здороваешься? – Девушка улыбнулась и шагнула ближе, на Зимобора сильно повеяло ландышевым ароматом. – Ведь ты хотел снова со мной повидаться. Разве нам поговорить не о чем?

– Это... ты? – едва вымолвил Зимобор и наконец поднялся на непослушные ноги. Его шатнуло, и он оперся о влажную, в мелкой древесной пыли, жесткую шкуру дуба.

Эта женская фигура, сотканная из лесной свежести и пронзительной прелести ландышей, была плоть от плоти леса, но голос ее был голосом той самой звездной тьмы, что говорила с ним в ту памятную ночь.

– Конечно, это я. – Дева улыбнулась. – У меня много лиц. Тень облаков на небе – это я. Струи дождя над нивами – это я. Трава и цветок – это я. Судьба человеческая – это я, погребальная песнь – это я. Все, что растет и тянется вверх, – это я. Моя пора – юность, мое время – весна, моя власть – будущее. И имен у меня много. Я – Дева, пока не озарит горячий Луч темную Бездну, пока не сойдет Дух Перунов в Первозданные Воды, пока не падет семя в спящую землю – тогда стану я Матерью и исчезну, потому что родится иная Дева... А пока время мое – весна, зелень лесная – мои очи, лучи золотые – мои косы, цветы молодильные¹⁹ – мое платье. Зови меня Младиной.

Ее голос звучал негромко, но проникал в самую глубину души. Да и едва ли это было голосом, который ловится слухом. Как в той темной горнице, Зимобор не чувствовал своего тела, от него осталась одна обнаженная душа перед высшей, нечеловеческой сущностью, впустила ее в себя и была поглощена ею, слилась с ней, и вместе с этой сущностью Зимобор знал, как самого себя, безграничную черную Бездну, где текут Первозданные Воды, ожидая, когда пламенный луч проникнет в них и зародит новую жизнь... Бездна всегда голодна в ожидании луча, она всегда ждет и жаждет. Бездна была в ней, а луч – в нем, как в каждом мужчине хранится искра животворящего Сварожьего огня, и эти взаимно дополняющие противоположности тянули их друг к другу и отталкивали. Бездна затягивала, стремясь к его огню, потому что такова ее природа и суть. Зимобор чувствовал разом и ужас перед ее поглощающей жадностью, и восторг – восторг божества, готового заново сотворить мир, ибо таково его предназначение...

И вдруг она отпустила его. Бездна закрылась, он снова был на поляне, а перед ним стояла девушка, настолько прекрасная, что даже выдумать такой красоты невозможно.

– Да ты садись, не стой, как молодой дубок. – Она указала на траву под деревом, и Зимобор с облегчением сел.

Легко ступая по траве и листьям, без шороха, Младина приблизилась и тоже села. При движении ее рубашка вдруг стала полупрозрачной, Зимобор ясно видел очертания ее тела, и у него захватывало дух. Глупо простому смертному питать страсть к Вещей Виле, но все происходит только так, как она хочет, и если она показывается ему в таком ярком, прекрасном, телесном облике, значит... Свои ножницы она наконец положила, и Зимобор невольно бросил взгляд на оружие, которым были перерезаны жизненные нити всех, кто жил и умер с самого сотворения мира. Сейчас они просто лежали.

Зимобора прорбирали дрожь от такой близости к Виле, а сама Младина рассматривала его с пристальным любопытством, видя насквозь все его прошлое, настоящее и будущее и выис-

¹⁹ Молодильник – одно из народных названий ландыша.

кивая там ответы на какие-то свои, только ей открытые вопросы. Душа холодела, а глаза восхищались ее чарующей красотой, бьющей в самое сердце. Аромат ландышей кружил голову, Зимобор был во власти ее чар и ощущал себя не больше мотылька, которого девушка рассматривает, посадив на ладонь.

– Что же, обидела тебя сестра? – спросила Младина, и Зимобор вспомнил, как здесь оказался.

– Это не она! – Он решительно потрянул головой. – Не знаю, княгиня это придумала или Секач, но не Избрана. Она не могла.

– А ты откуда знаешь? – Младина лукаво, с намеком посмотрела на него, и ему стало стыдно. С кем он собрался спорить? Ведь перед ним – Та, Что Знает.

– Так это все-таки... она? – внезапно охрипшим голосом спросил Зимобор. Он раньше не задумывался о том, как сильно любит сестру, но при мысли, что все-таки она обрекала его на смерть, вся его прежняя жизнь рушилась.

Но Младина не ответила, только повела бровью.

– И что же ты – хочешь назад к ней идти? – спросила Вила.

– Воевать, значит? – Зимобор потер лоб, пытаясь собраться с мыслями. – Перед курганами общих предков родную кровь проливать? Отец меня с Той Стороны проклянет!

– Не хочешь – не надо! – легко согласилась Младина и снова улыбнулась. – Можно ведь и по-другому своего добиться, не обязательно лбом ворота выбивать. Не хочешь драться – отступи. Отойди, помани за собой, замани к себе, усыпи – и делай что хочешь. Не хочешь воевать с сестрой – оставь ее, а созреет – сама упадет. Я тебе другую дорогу укажу.

– Какую?

– Помнишь, отец ваш двадцать лет назад с полотеским князем Столпомиром воевал?

– Как не помнить!

Во время полотеского похода, очередного, но отнюдь не единственного, Зимобор был еще слишком мал, но он вырос среди воспоминаний бояр и старых кметей о «последней войне за волок» и хорошо знал, о чем идет речь. Рубежи между землями смоленских и полотеских кривичей проходили между верховьями Днепра и Западной Двины. Через волоки, которыми соединялись их притоки, можно было попасть с одной большой реки на другую, а также, через Ловать, на Волхов и через Ладогу тоже выйти к Варяжскому морю. Оба князя, смоленский и полотеский, испокон веков пытались захватить власть над порубежьем. Двадцать лет назад война между молодым князем Велебором и совсем еще юным Столпомиром едва не кончилась полным разгромом последнего. Князь Велебор не только захватил волоки междуречья, но едва было не взял и сам Полотеск. Столпомир чуть ли не в одиночестве бежал, и долгое время в Смоленске вообще не знали, жив ли он. Двинская земля лежала перед смоленским князем беззащитная, но пришла осень, дороги развезло, с юга поползли пугающие слухи о хазарах... А весной князь Столпомир вернулся с варяжским войском, вынудил Велебора отступить, и был заключен мир, который десять лет спустя попытались закрепить браком.

– А вот что ты мне скажи! – Зимобор вспомнил о главном препятствии, которое мешало ему стать смоленским князем. – Ведь я был когда-то обручен с дочерью Столпомира. А она умерла, но от меня не отстала! Она все ходит за мной, душит моих девушек, она не дает мне жениться! Что это значит, как от нее избавиться? Какой смертью она умерла, что не дает ей покоя?

Лицо Младины стало строгим и задумчивым. Она вздохнула, и у Зимобора сжалось сердце: неужели дело настолько плохо, что даже Вещая Вила не может помочь?

– Невеста твоя... – медленно выговорила она, отводя глаза, и от тени, набежавшей на ее светлое лицо, сам воздух на поляне померк. – Не в добрый час ты невесту выбрал, не в добрый час ее колючку взял. Погубит она тебя. Она – проклятая при рождении, и вся семья ее проклята. Теперь ее нет на белом свете, и у меня нет над ней власти.

– Неужели ничего нельзя сделать? Но хоть кто-то...

Младина опять покачала головой, и Зимобор опомнился: если даже Вещая Вила не может помочь, то где на свете та сила, что может?

– Какую бы невесту ты теперь ни выбрал, мертвая любую погубит и тебя заодно, – шепнула Младина и положила свою легкую белую ручку на его руку.

Зимобора пробрала дрожь, дух захватывало от восторга, лихорадочного волнения и тревоги. По жилам разливалось блаженство, а где-то в глубине пряталось ощущение смертельной опасности, от чего блаженство делалось даже острее. В глаза ему смотрела Бездна, но рядом с Бездной он себя ощущал божеством, Пламенным Лучом, призванным проникнуть в Бездну и зародить в ней жизнь...

– Только я одна ей не подвластна, – шепнула Младина, и ее мягкие руки обвили его шею.

Не помня себя, Зимобор обнял ее, чувствуя влечение такой силы, какой никогда и ни с кем не переживал. В его объятиях был сам образ совершенной красоты, девичьей прелести – и Бездны, жаждущей Луча. Все земные дела и заботы становились мелкими и ненужными, таяли и улетали – перед ним была вечность и вселенная.

– Только я для тебя – дева, возлюбленная, жизнь... – шептал ему в уши страстный голос, уже не звонкий, а хриплый и трепетный. – Только меня люби, только меня обнимай... Я дам тебе все – любовь, счастье, власть, победы, долгую жизнь, вечную молодость. Я дам тебе все – но в обмен возьму тебя всего. Только я для тебя существую, вся твоя сила – только моя...

Зимобор уже ничего не слышал и не понимал: по коже катились волны жара и озноба, каждая жилка трепетала в предчувствии, нежные руки обнимали его, но он уже не видел существа, которому они принадлежали. Гибкое, теплое, упругое тело прильнуло к нему, но тут же растворилось и обхватило сразу со всех сторон. У него уже не было тела, он был не человеком, а только лучом света, который падал в черную Бездну, пронзал Первозданные темные Воды, глубины которых было не под силу измерить даже ему...

* * *

Смоляне еще с рассвета стали собираться на Княжеском поле. Настал девятый день после смерти князь Велебора – день погребения. Все были одеты в рубахи белого цвета, цвета смерти, с посыпанными золой волосами. Семья князя запоздала. Все утро искали старшего княжича – и напрасно. В последний раз его видели вчера ночью на курганах, а утром его не оказалось нигде – ни в горницах, ни в дружинной избе. Никто из кметей не видел его, позднее ночью возвращаясь на княжий двор, – но тогда все были так пьяны, а вокруг было так темно, что это еще ничего не значило.

Княгиня и Избрана злились, хотя сами понимали: на Зимобора это не похоже. Он не мог забыть, какой сегодня день, не мог просто загулять.

– Напился, видать, вчера, так и заснул там под курганом! – ворчали среди челяди, особенно в княгининых горницах.

Достоян сразу послал людей поискать возле курганов. Там нашли примятую траву и пятна крови. И больше ничего. Кто бы ни устроил это ночное нападение, он позаботился убрать все следы и теперь молчал, никак, естественно, не проявляя своей досады.

Зато Достоян, Беривой и прочие сторонники старшего княжича пришли в ужас и немедленно учинили розыск. Свидетелей не было, по крайней мере ни один человек не спешил заявить, будто что-то знает. Обследовали берега Днепра, но не обнаружили ни мертвых тел, ни следов, будто их волокли и где-то бросили в воду. Воевода разослал кметей по всем дорогам и тропинкам, приказал опрашивать каждого встречного – но все жители ближайшей округи уже толпились на Княжеском поле, недоумевая, отчего задерживается погребение и долго ли им еще сдерживать рвущиеся наружу слезы и причитания.

Откладывать погребение было нельзя. Уже прикатили на катках погребальную ладью, нарочно построенную, чтобы перевезти князя через Черные Воды. Княгиня приказала начинать. Сперва требовалось отдать долг мертвому, а потом... Ни воевода, ни другие бояре не смели сказать, что же «потом». У всех мелькало подозрение, что старший сын Велебора уже спешит вслед за отцом по радужному мосту, но эта мысль была слишком ужасна, чтобы кто-то решился высказать ее вслух.

Когда княгиня с дочерью наконец появились на поле, Избрана – во всем белом и без украшений, а княгиня – в черном покрывале вдовы, поднялся сплошной вопль. Вопили и причитали и жрицы, и простые женщины, лишившиеся общего для всех отца и защитника. Под плач и вопли волхвы извлекли тело князя Велебора из временной могилы – дубовый кокон больше не был нужен ему, готовому возродиться в ином мире.

Появилась Вещая Мара – жрица, ведающая погребением. Без нее не обходились похороны даже последнего из бедняков – она в точности знала, как уложить тело на краду, как собрать пепел, что дать умершему с собой и какие заклятья спеть, чтобы он благополучно одолел трудный путь, приблизился к богам и не тревожил на земле живых. Под ее руководством тело уложили в ладью, вкатили на вершину насыпи и стали обкладывать заранее привезенными и просмоленными бревнами. В качестве спутников умершему полагались черный конь, который повезет князя в Подземелье Велеса, черный пес, который укажет туда дорогу, и черный петух, который своим криком разбудит умершего для новой жизни. Жертвенной кровью Вещая Мара окропила краду – мертвое тело, погребальную ладью, дрова.

Краду подожгли, и скоро вся куча дерева горела. Жрецы и домочадцы князя Велебора стояли близко, жар огромного костра, достававший до самого неба, обжигал им лица, глаза щипало от жгучего дыма, и по щекам даже у мужчин текли слезы, но вместе с тем чувствовалось и облегчение: брод Огненной Реки остался позади, князь Велебор входил в небесные чертоги. За гулом и треском пламени ничего нельзя было бы услышать, и все стояли молча. Огромное поле, заполненное живыми, молчало, провожая мертвого.

– Хороший знак, – бормотала княгиня Дубравка, поднимая голову и глядя, как темный дым уходит в самое небо. – Добрый знак.

Всю ночь вокруг широкого кострища ходили жрецы с острым железом в руках, били в колотушки и гремели, отгоняя вредоносные силы смерти.

А Зимобор так и не появился. Его продолжали искать, обшарили каждую тропинку и каждую захудалую избушку на расстоянии дневного перехода, но никто его не видел. Он словно в воду канул.

Избрана не находила себе места. Она не знала, что в точности произошло, и никого не хотела расспрашивать, хотя имела очень сильные подозрения – кто именно знает правду. Кровь на земле означала, что кто-то с кем-то дрался. Но тел не осталось. Зимобор мог оказаться как победителем, так и побежденным. Если он побежден – тело его давно на дне реки и его соперничество ей больше не грозит.

Но это – если все дело затеял Хедин! А если это сделали Секач и Буяр – тогда следующей жертвой будет она сама! И Секач, в конце концов, не совсем дурак и понимает, что Буяр для него – та самая синица в руках, которую надо держать крепче и не менять на лебедя в небе – ее, Избрану. Она ни на шаг не отпускала от себя Хедина, и возле них всегда маячили три-четыре варяга. Даже ночью они устроились на пороге ее горницы и по двое сторожили, сменяясь, до рассвета. Люди видели эти предосторожности, но ее страх за свою жизнь мог означать как невиновность княжны, так и боязнь возмездия. Челядь только переглядывалась, не смея даже шептаться. Соперничество брата и сестры было слишком очевидно, чтобы даже самый глупый водовоз не догадался, кому выгодно исчезновения Зимобора.

Но мертв ли он? А если он просто похищен? Кем же? И куда увезен? Эти мысли всю ночь не давали Избране покоя, а утром ей предстояло опять идти на Княжеское поле.

На другой день, когда кострище остыло, Вещая Мара поднялась наверх с железной лопаточкой и глиняным сосудом, вылепленным в виде человеческой фигурки с головой, плечами и руками-ручками. В этот сосуд она собрала пепел князя, на самый верх положив кости черепа, прикипевшие к оплавленному шлему. Умерший обрел новое тело, в котором будет теперь пребывать его земная часть. В это время возле Вещей Мары уже сидел волхв-кощунник с гуслиями и пел погребальную песнь:

Как умрешь,
ко Сварожьим лугам отойдешь...

И теперь песня эта доставляла всем, кто ее слушал, драгоценное чувство единства мира – земного и небесного, живого и мертвого, прошлого и будущего. В этот скорбный час бесчисленные лица ранее живших глянули с небес на своих потомков, чтобы возобновить связь поколений.

До сего дня лили слезы они,
а теперь они могут возрадоваться
о твоей вечной жизни
до конца веков!²⁰

На склоне Твердова кургана вырыли небольшую яму и в нее опустили сосуд с прахом – князь Велебор вошел в общий для всего рода посмертный дом. Смоляне принялись за погребальное пиршество. Конечно, трава вышла не такой обильной, как это бывало в прежние годы, – после двух голодных зим даже князя не могли еще дать всем своим гостям простого хлеба. Угощением служили в основном дичь и рыба, а к ним грибы, собранные в лесу осенью. В больших котлах варили похлебки из свежей зелени – белой лебеды, щавеля, дикого лука, дикого чеснока, листьев одуванчика. Каждый, кто пришел сюда из Смоленска или окрестностей, получил свою долю, хотя и небольшую: кусочек мяса или рыбы, несколько ложек похлебки. Все сидели прямо на земле: на вершине кургана домочадцы князя и знать, пониже – кмети, а простые смоляне – на траве вокруг кургана, слушая песнь волхва-кощунника, который держал на коленях гусли:

Здесь на старом погребеньце,
Где отцы лежат под травами,
Мы пришли услышать весточку,
Слово мудрое от пращуров.
Славим песнею мы Велеса:
Во лугах его невянущих
Сам ступает он по золоту,
Пьет живую воду чистую,
Сам стадами правит многими,
Нет ни горя там, ни старости.
Ты, отец всем песням чуднейшим,
Дай и нам ты разумение,
Дай отцов прославить, пращуров,

²⁰ «Велесова книга». Рассматривать ее как подлинный памятник решительно невозможно – она представляет собой очень своеобразное фантастическое произведение, созданное Ю. П. Миролюбовым в 50-х годах XX века, но некоторые его идеи мне кажутся художественно привлекательными. Так что эта сноска – дань его авторским правам.

Про дела поведать дивные.

Полагалось бы продолжать страву несколько дней, но из-за недостатка припасов пришлось уже к вечеру все закончить: вся глиняная посуда была разбита, железные котлы перевернуты вверх дном и продырявлены, ложки и ножи переломаны и брошены тут же на землю. То, что применялось на погребальном пиру, теперь принадлежало смерти и уже не могло служить живым.

Пришло время собирать вече для выборов нового князя. Но за день до того к княгине Дубравке явилась толпа смолян во главе с кузнецким старостой Бражко.

– Вот, княжич Зимобор пропал, и воевода сыскать его не может! – заговорил он. – А мы так себе думаем: нехорошо вече устраивать и князя выбирать, когда неизвестно, жив он или того, нет. Ты бы, княгиня, погадала о нем. Если помер, значит, судьба. На нет и суда нет. А если жив, то как же без него вече делать?

Княгиня не могла возразить и кивнула. Приказав принести ей воды из трех разных ручьев, она сняла с пальца золотое кольцо и опустила его в гадательную чашу...

Когда она наконец вышла к ожидавшим ее людям, на лице княгини, еще хранящем следы погребальных слез, было некое недоумение.

– Княжича Зимобора нет на белом свете, – сказала она, покручивая на пальце еще влажное кольцо. – Его нет среди живых. Это было мне открыто. Его нет, – повторила она, словно сама никак не могла уразуметь собственные слова. – Следует выбрать иного... правителя.

Смоляне раскланялись и ушли, не скрывая своей удрученности. Кмети стояли с вытянутыми лицами, но никто не спорил с волей богов. Когда княгиня поднялась в горницы, Избрана прибежала к ней почти бегом и плотно закрыла за собой дверь.

– Это правда? – выдохнула она.

– Что? – Княгиня хмуро глянула на дочь.

– Что его... нет на белом свете?

– Правда... Но это еще не все!

– Как – не все? – Избрана опешила.

От первого известия она была в полном смятении чувств – горечь от потери брата, которого она тоже любила, боролась с облегчением от исчезновения сильного соперника, и она сама не понимала, что же для нее важнее. И вдруг – не все? Куда дальше?

– А то, что на том свете его тоже нет!

– Что?

– Его нет ни на Этой, ни на Той Стороне! Его нет нигде!

– Но так не бывает!

– Обычно не бывает. Но с ним это именно так!

– И что же это значит?

Избрана побледнела, по коже пробежал мороз. Странное лицо матери говорило о том, что даже это удивительное известие она еще не оценила полностью.

– Это значит... – наконец заговорила княгиня, – это значит... что его судьбу взял в руки кто-то...

– Кто? – выдохнула Избрана.

– Я не знаю, – с досадой ответила княгиня. За много лет, проведенных в храме, она привыкла думать, что и на Той Стороне не много тропинок, ей недоступных. – Кто-то настолько сильный, что над ним не имеют власти ни вода, ни судьба... Я не знаю, что это за сила. Я не могу заставить ее показаться, если она сама этого не хочет.

– Но Зимобор... Если он в руках этого... *кого-то*... Он жив?

– Мы не можем этого знать, пойми же! – Княгиня беспокойно ломала пальцы. Правительница из ее дочери получилась бы гораздо лучшая, чем жрица, и сейчас княгиня затрудня-

лась, как объяснить ей некоторые вещи. – Им завладело нечто, одинаково сильное и свободное и с Этой, и с Той Стороны бытия. Оно может спрятать его здесь или там, оно может держать его на грани, может перемещать, но мы ничего об этом не узнаем.

– Но чего этому... *этому* от Зимобора надо? Зачем он ему понадобился?

– Как мы можем угадать, если мы даже не знаем, что это?

– Что же нам делать?

– Только ждать.

– Но мы не можем ждать!

– Я говорю не об этом. Мы выберем нового князя. И это будешь ты. А ждать нам придется, что это *нечто* сделает с Зимобором. Если оно забрало его, то ведь может и вернуть. Но когда, как и в каком качестве... Не бойся, моя радость! – Княгиня, вся в черном, подошла и обняла Избрану, которая в своих белых одеждах и с льняной косой напоминала Ледяную Деву. – У тебя очень сильная судьба. Я день и ночь прошу богов помочь тебе. Перун дал тебе сильный дух, наделил тебя умом и смелостью мужчины. Ты со всем справишься. Я знаю.

Глава вторая

Еще не проснувшись, Зимобор почувствовал сильный запах ландышей, но уже не свежих, а помятых, увядающих. Открыв глаза, он сел и обнаружил, что спал под дубом, среди примятых ландышевых листьев и цветов. Было еще светло, но в воздухе, особенно в глубине под деревьями, уже повисла легкая сумеречная дымка. Голова кружилась, он чувствовал слабость, усталость и истому. Мелькали какие-то отрывочные воспоминания, ощущения ужаса и блаженства, и притом имелось убеждение, что вспоминать об этом не надо. Во сне или в беспомысленности его душа заглянула в какие-то глубины, куда смертным ходом не было, и не следовало снова нарушать запрет уже наяву.

– Проснулся? Пора тебе в дорогу, мой сокол ясный, – сказал рядом с ним нежный голос, и Зимобор вздрогнул. От этого голоса веяло той самой иномирностью, которую он только что решил не вспоминать.

В двух шагах от него на пеньке сидела Младина – да, она велела так ее называть. Ее стройная фигура в белых одеждах источала заметное золотистое сияние, но притом казалась легкой, бесплотной, почти прозрачной. Длинные золотые волосы спускались густым потоком до самой земли, на голове был веночек из ландышей в капельках росы. Да, они же там растут...

– Куда? – Зимобор потер лицо, стараясь собраться с мыслями. – Вяз червленый в ухо! Погребение же! – В ужасе от пришедшей мысли, он поднялся на ноги, цепляясь за ствол и проклиная неведомо откуда взявшуюся слабость и головокружение. Из него словно выпили всю кровь, заменив ее холодной болотной водицей. – Я же опоздал... Что люди скажут... Отец... Погребение... Срам какой, матушка моя, сын на отцовское погребение не пришел! Проспал!

– Не торопись, спешить некуда, – мягко сказала Младина, и звук ее нежного, но очень уверенного голоса разом погасил его спешку. – Погребение твоего отца не сегодня.

– Как? А когда? Отложили? Из-за меня?

– Нет. Не отложили. На его кургане уже трава выросла. И месяц ладич закончился, купалич идет.

– Купалич идет? – изумленно повторил Зимобор.

Он глянул под ноги – но цветы ландыша исчезли, как только он встал, теперь там были только широкие зеленые листья и зеленые ягодки на изящно изогнутых стебельках. Судя по буйству зелени, шли последние недели весны²¹.

– Но как же так? – Веря и не веря, он посмотрел на Младину, хотя и сам смутно догадывался – как.

– Где ты был, там время по-иному идет.

Она встала, приблизилась и мягко провела ладонью по его щеке. Зимобор словно рухнул в пропасть от ее прикосновения – оно было ласково и воскрешало воспоминания о пережитом наслаждении, но в нем была Бездна, черная голодная тьма Первозданных Вод, принявших облик вполне земной, хотя и невероятно красивой девушки. От ее близости Зимобора переполняло блаженство, но вместе с тем ужас – казалось, вот-вот от этого блаженства он растает и растворится в окружающем, его кровь вольется в воду речки, кости станут ветвями дубов, кожа – корой, волосы – травами, а тепло дыхания и блеск глаз будут мерцать в солнечных бликах на листве...

– Время – моя власть, захочу – единый миг сделаю веком, захочу – целый век сожму в один миг, – сказала Младина, и Зимобор видел в ее потемневших глазах бездну времен.

Ее голос был негромок, но в нем слышалась такая мощь, что хотелось зажмуриться. Ничем вроде бы не угрожая, эта сила подавляла человека одним своим присутствием. Зимобор

²¹ Месяц июнь, до летнего солнцестояния, еще относился к весне.

бору было жутко оглянуться назад, как жутко оглядываться на пропасть, в которую чуть было не сорвался. Но эта пропасть имела власть когда угодно притянуть его назад и снова поглотить. Человеческие чувства ей неведомы, она просто берет то, что ей нужно, там, где найдет. В образе Младины перед ним стояла Великая Богиня, Мать всего сущего во вселенной, и он, человек, был слишком мал и слаб, чтобы стоять перед ней лицом к лицу. Но, кроме ужаса, его переполняла горячая, подавляющая все любовь к ней – естественная и неизбежная любовь живого к своей создательнице. Оказавшись перед лицом Богини, Матери и повелительницы вселенной, он ни о чем не просил, ничего не хотел – только любил ее и жаждал поскорее высказать ей свою любовь, пока его душу не подавило и не заставило умолкнуть ее необозримое величие...

– Не бойся: те, кого ты знал, живы и не состарились, – мягко сказала она, и вселенная снова сжалась до одной стройной девичьей фигурки, многоликая Богиня обернулась к смертному лишь одним из множества своих воплощений. – Но возвращаться в Смоленск тебе не стоит: твой отец похоронен, на кургане выросла трава, а вече провозгласило княгиней твою сестру Избрану. Но ведь ты не хочешь воевать с родной кровью?

– Н-не хочу, – запинаясь, ответил Зимобор.

Он не был уверен в своей искренности. Одно дело – рассуждать, а совсем другое – узнать, что твоя сестра, женщина, уже села на престол твоих предков, который по праву рождения должен принадлежать тебе и только тебе! Может быть, эти несправедливость и бесчинство гораздо хуже, чем пара или даже десяток трупов, которыми пришлось бы вымостить дорогу к справедливости... Ведь что такое справедливость? Это не чтобы все были довольны. Это чтобы каждый получил по заслугам – кто награду, а кто и наказание.

Но если она уже провозглашена... Беривоя, конечно, уже сместили, воеводой в Смоленске стал Секач или еще кто-нибудь из приверженцев княгини, Достояна, Судимира и прочих его сторонников разослали по дальним погостам. Возвращение сейчас не даст ему ничего, кроме позора. Если бы он не проспал... То есть не провел этот месяц, показавшийся ему одним днем, в каких-то иных измерениях...

Но было поздно. Теперь придется принимать то, что есть.

– Ты со смоленским престолом не навек прощаешься, – сказала Младина. Она видела все его мысли как на ладони. – Я хочу, чтобы ты стал смоленским князем, и ты им станешь. Но – не сразу. Будешь меня слушаться, я тебе не одно, а два княжества отдам. А захочешь – и все три. Будешь один всеми кривичами владеть, как Крив владел. Не торопись, отступи, уйди зерном под землю – расцветешь в новой славе, как Мировое Дерево, никто с тобой не сравнится.

– Куда же мне теперь идти?

– Я тебе дорогу укажу. Пойдешь ты теперь в Полотеск.

– В Полотеск? – Зимобор вспомнил, что она вроде бы когда-то уже заговаривала об этом городе. – Зачем?

– Завоевать его, конечно! – Младина засмеялась, и над ней засверкала звездная пыль.

– В одиночку?

– Но ведь я же с тобой! А со мной других союзников не нужно! Слушай. Было у князя Столпомира двое детей, да ни одного не осталось. Дети его прокляты, и сам он проклят, род его сгинет без следа. – Вещая Вила уже не улыбалась, лицо ее стало строгим, и Зимобор содрогнулся – никто не спасет того, кого обрекла на гибель судьба. Даже ножницы померещились в белой руке, готовые перерезать дрожащую нить. – У него нет наследников. Иди к нему. Наймишь в дружину, да не открывай, кто ты. Он тебя полюбит, как сына. Он все для тебя сделает. Даст тебе войско, чтобы Смоленск завоевать, завещает тебе Полотеск – а там и Изборску недолго собой гордиться, против тебя ему не устоять.

Зимобор слушал, зачарованный. Его не спрашивали, хочет он этого или не хочет, согласен что-то делать или не согласен. Дева лишь открывала ему будущее, которое предсказано и в

силу того решено. От его желаний ничего не зависело. Его дорога лежала перед ним, как нитка из клубочка, и ему оставалось только идти по ней.

– Дам я тебе оберег. – Младина сняла с головы ландышевый венок, и в ее руках он вдруг сжегился, стал маленьким, не больше ладони. А стебли цветущего ландыша в ее волосах сами собой приподнялись, потянулись друг к другу, переплелись, и вот уже на голове Вилы сияет живым жемчугом новый венок, точь-в-точь как снятый. – Храни его. – Младина протянула венок Зимобору, и он принял его обеими руками, как сокровище.

– Пока с тобой мой венок, никакой враг тебя не одолеет и в любом сражении одержишь ты победу, – мягко, нараспев пообещала Вила, словно заклиная. – Захочешь повидать меня – положи венок под подушку, и я во сне к тебе явлюсь. А захочешь позвать меня – позови, и я к тебе приду. И помни! – Она строго глянула ему в глаза, и Зимобор ощутил себя полным ничтожеством перед ее божественной силой. – За тобой ходит мертвая. Вздумаешь другую полюбить – и ее погубишь, и себя. Я тебе помогу, но за это ты мне одной верен будешь. Обещаешь?

– Обещаю, – шепнул Зимобор. Он не был властен над собой сейчас – его желания, его чувства, воля и судьба принадлежали младшей из Вещих Вил, госпоже будущего. Как можно спорить с той, чье слово созидает судьбы?

– Тогда иди.

Младина показала ему на опушку. Зимобор сделал шаг. И от изумления почти опомнился.

Перед ним не было речки с высокой травой, луговины и новой полоски леса. Местность стала совсем другой. За спиной шумел сосновый бор, а впереди был пологий берег небольшой, но еще судоходной реки. Чуть поодаль виднелась отмель, а на ней лежали две вытащенные ладьи, нагруженные мешками и бочонками. Горело несколько костров, хорошо видных в сумерках, шевелились люди. С ветром донесся запах дыма и вареной рыбы.

– Иди туда, – шепнул голос из-за спины. Зимобор не оборачивался, чувствуя, что Младину возле себя больше не увидит. Она осталась там, в полутьме под дубом, густо насыщенной ароматом ландышей. – Эти люди едут в Полотеск. Прибейся к ним, они тебя примут. С ними доберешься до города, а в городе пойдешь на княжий двор. А там увидишь. Ничего не бойся. Пока я с тобой, никто тебе не страшен. А я тебя не покину, пока ты мне верен будешь. Если изменишь – ждет тебя страшная смерть и рода забвенья. Иди.

Прохладный, проникающий голос леденил душу. Зимобор не смел обернуться, как будто за спиной могло таиться что-то страшное. Истинный облик того существа, которое до сих пор показывалось ему таким прекрасным... Будущее... Самое желанное, самое сладкое и манящее – и самое ужасное, холодное и беспощадное... Его душа изнемогала от близости иного мира, он был на пределе и хотел отдохнуть.

В руках его по-прежнему был ландышевый венок. Его запах мягким облаком окружал Зимобора, и казалось, что Младина не ушла, что ее глаза смотрят из каждого бубенчика ландышевых цветков. С ним по-прежнему оставался ее голос, похожий то на звон лесного ручья, то на тихий шум дубовой листвы, ее чарующие глаза с острой звездной искрой, теплота и прохлада ее белых рук. Она была самым прекрасным и самым страшным, что ему довелось повстречать за двадцать четыре года жизни. Но понять ее было выше человеческих сил. Оставалось покориться и принять то, что она – Дева Будущего – собиралась ему дать.

Стоять на месте не было смысла. Прошлое миновало, настоящее не позволяет задерживаться больше, чем на миг, подталкивая к будущему – к тому, что с каждым шагом наступает и на тот же шаг отдаляется.

Зимобор оглядел себя. Меч, нож, кремень и огниво, гребень – все на месте. Плащ на плечах. Гривна на шее, два серебряных обручья и серьга в ухе – все, что осталось после разорительного плавания за море за хлебом. Вот что совсем некстати – застежка плаща, где в узорный

круг вписана фигура золотого сокола с маленьким красным самоцветом, вставленным в глаз. Серебряного сокола носили кмети княжеской дружины, а золотой был знаком принадлежности к Перунову роду. Выйти к людям с такой застежкой на груди – все равно что сразу сказать: «Люди добрые, я – княжич Зимобор Велеборич из Смоленска». Говорить он собирался нечто совсем другое, поэтому спрятал застежку в кошель, а плащ заколол маленькой, с ворота рубахи.

Не так легко будет объяснить людям, что он делает в одиночестве и на порядочном, судя по всему, удалении от жилья. Впрочем, на разбойника и изгоя он не похож, да и Младина обещала, что его примут.

Зимобор спрятал веночек за пазуху и стал спускаться к отмели.

* * *

Он еще не знал, как объяснит людям свое появление, но они, как оказалось, уже сами все объяснили. Когда Зимобор неспешно, чтобы не напугать, сошел с откоса и приблизился к кострам, несколько человек подняли головы и только один вышел навстречу. Все остальные продолжали свои нехитрые дела: кто-то следил за котлом, кто-то рубил притащенную из лесу сухую корягу, двое чистили рыбу, двое стирали в реке какое-то тряпье, один вырезал из чурочки ложку. У опушки виднелось три-четыре шалаша, покрытых еловым лапником и снятыми с ладей парусами. Зимобор поздоровался, ему ответили.

– Из Оршанска, что ли? – крикнул мужик средних лет, с реденькой бороденкой и пронзительными глазами. Он сидел у ближайшего костра и ковырял иглой кожаную подметку своих лычаков. По выговору и по узорам на рубахах было видно, что это западные кривичи-полочане. – Только мы туда не идем, так что в этот раз вашему тиуну с нас пошрины не брать, не взыщите.

– За то и взыщет, что не взыщет пошрины! – захохотал другой, совсем молодой, тощий, с мелкими чертами лица и темными волосами, падавшими на глаза. – Ты, Сивак, сам-то понял, что сказал?

– А ты, Печурка, не ори, как на пожаре, отец и так еле заснул, – хмуро сказал подошедший к ним парень – рослый, крепкий, светловолосый, с простым румяным лицом. Одежду его, как у всех, составляли некрашенная потрепанная рубаха и такие же порты, он был босиком, но на поясе его висела вышитая сумочка-кошель, а держался он так уверенно, что в нем легко было определить хозяина.

Всего на отмели у двух ладей расположилось человек семнадцать-восемнадцать, чуть меньше двух десятков.

– Здравствуй, добрый молодец! – Зимобор вежливо поклонился. – Ты здесь старший?

– Старший – мой отец, Доморад Вершилович, из города Полотеска. А я – Зорко, – солидно представился парень. – Идем из нижних полянских земель, сейчас на Оршанку, там до Радегоща и на Оболянку. В смоленские земли не пойдем. Тебя зачем прислали?

За это время он внимательно оглядел Зимобора, оценил стоимость его одежды и оружия, а также предполагаемый нрав нежданного гостя. Зимобор сообразил, что его приняли за кмета, присланного проследить, чтобы торговцы не миновали как-нибудь княжий городок и не уклонились от уплаты пошрины. Хотя как они его могут миновать – ведь ладьи с товаром не понесешь на руках через лес! Из Оршанска? Если здесь рядом Оршанск, значит, Младина вывела его на границы с полотескими землями.

– Никто меня не присылал, я сам пришел, – ответил Зимобор. – Так это какая река?

– Оршанка, – Зорко удивился. – А ты что же, не знаешь, где сам?

– Заблудился я, – сказал Зимобор. – С самого ладича месяца людей не видел.

– Врешь! – озадаченно воскликнул Зорко и еще раз оглядел собеседника.

Зимобор его понимал: он не был похож на человека, который месяц скитался по лесу.

– Ну, я не только в лесу... – Зимобор не привык лгать и чувствовал себя неловко. – Был я у одной... женщины... но людей не видел уже почти месяц. Как из дома ушел, так и...

Это, собственно говоря, была чистая правда: он ушел из дома месяц назад и за это время вообще не видел людей – Младина ведь к людям не относилась.

– Возьмете с собой? Я по пути пригожусь. – Зимобор улыбнулся. Вот и он заговорил как волк из кошуны!

– Да... взять-то можно... – Зорко еще раз окинул его взглядом.

Такой человек в превратностях дальней дороги был бы полезен, но парня мучили понятные сомнения. В образе этого человека, по виду – только что из дружины смоленского князя, из леса могло выйти все что угодно. Вернее, нечто такое, что *совсем не угодно* живому человеку.

– Ну, смотри! – Зимобор вынул нож и прикоснулся к острию, показывая, что не боится железа. – Не нечисть я, не леший какой-нибудь, Перун мне свидетель. Хочешь, пересчитаю что-нибудь?²²

– Да ладно, нечисть... – Купеческий сын из города не подозревал в каждом чужаке нечистого духа, как родовичи какого-нибудь лесного огнища. Его подозрения были более приземленными, но и на разбойника обладатель таких красивых серебряных вещей не походил. – Только куда же ты теперь путь держишь? Мы-то не к вам, мы совсем наоборот, на Двину и в Полотеск.

– Куда едете, туда и я с вами, а там найду себе попутчиков. Не идти же мне опять через лес одному!

– Оно верно. Ну, если хочешь, то с нами до Полотеска, а там, глядишь, найдешь торговый обоз в вашу сторону. Наш прокорм, ну, обувь там, еще если чего...

– Идет! – Зимобор протянул ему руку. По нынешним временам требовать денег за службу уже не приходилось, еда на время дороги была достаточной платой. Сами смоленские кмети у князя в последний год служили только за еду и одежду.

Если бы он действительно заблудился, то гораздо проще ему было бы вернуться в Оршанск, а там уж купить у рыбаков челн и по Днепру подняться до Смоленска. Но Зорко или не обратил внимания на эту несообразность, или смекнул, что его собеседник вовсе не хочет возвращаться.

– Звать-то тебя как?

– Ледич, – ответил Зимобор.

Он родился в день праздника, в который «зиме ломают рог», что сопровождается игрищами и потасовками. Праздник называется Зимобор²³, и в его честь мальчику дали имя. Но его также могли бы назвать и по месяцу, в который он появился на свет, и Зимобору не пришлось в голову ничего другого.

– Отца только спросить надо, – Зорко поднял ладонь. – Хозяин-то он. Только приболел. Вот и кукуем тут третий день, а с места двинуться не можем.

Доморад Вершилович был довольно богатым купцом. Еще прошлой осенью он закупил в плодородных полянских землях зерна, теперь забрал его, набрав в придачу сыров, масла, соленого мяса, и ехал с этим товаром через пострадавшие от неурожая земли, меняя еду на меха, добытые за зиму. А меха в Полотеске можно выгодно продать варяжским гостям. И все было бы хорошо, если бы не подвело здоровье.

На этой отмели полотеские гости жили уже третий день, потому что у Доморада прихватило сердце. С посиневшими губами, он лежал в шалаше и едва дышал, так что вся его дру-

²² Нечисть очень плохо считает и не любит этого делать.

²³ Это, собственно, 15 февраля.

жина сидела испуганная, а Зорко ходил суровый и сосредоточенный, опасаясь, что не довезет отца живым даже до ближайшего села.

– Говорил я ему: сиди дома, сам съезжу! – горько делился он с Зимобором, когда они, после знакомства, выбрались из шалаша. – Нет, привык все делать сам! Я ему говорю: после зимы чуть жив, сиди на бережку, рыбку лови да сил набирайся, нет, надо ему суетиться, дела делать! Все путем каким-то грезит торговым, великим, чтобы дорогу от Варяжского моря до Греческого сыскать!²⁴ Слышал он, что люди ездят, – и ему надо, самолично Греческое море найти хочет!

– Я бы тоже не отказался! – Зимобор улыбнулся. – Греческое море-то поглядеть, есть ли оно на свете или так, болтовня одна. Смелый у тебя батя!

– Смелый! – проворчал Зорко с таким видом, что, дескать, морок один это все, но видно было, что в глубине души он гордится своим беспокойным родителем. – Не, не нашли. От полянских земель, от Киева-города еще дальше на полудень надо, вниз по Днепру, а там опасно – и пороги, и степняки всякие. Ну их! Туда если ездят, то большие обозы собирают. И это на целый год с чурами прощаться!²⁵ Хоть это уговорил – домой вот возвращаемся. Я вообще, если хочешь знать, мог бы и сам съездить! Дороги все с закрытыми глазами знаю! Я с ним уже десять лет езжу каждый год. Тетка нам травок с собой надавала, да вот толку от них чуть. Надо бы в село, где хоть какая-нибудь приличная травница есть, или волхва хорошего найти, а тут, в лесу, только лешего, тьфу, найдешь!

Зимобор осторожно сунул руку за пазуху и оторвал пару стебельков от венка Младины. Будучи оторванными, ландыши сразу увяли и высохли, оставаясь почти такими же белыми, как будто их высушила со всем тщанием самая умелая зелейница²⁶.

– Вот тебе молодильник, завари, пусть пьет по глотку по три раза в день. – Зимобор протянул Зоричу сухие стебельки. – Я знаю, мой отец такой же хворью страдал. Ему помогало.

– И ты что же, молодильник всегда при себе носишь? – с удивлением спросил Зорко, бережно принимая хрупкие стебельки и нюхая – ему это средство тоже было хорошо знакомо.

– Нет, – Зимобор усмехнулся, – у меня за пазухой сам растет.

Утром Домораду стало настолько лучше, что он сам выбрался из шалаша и сидел на воздухе, глядя, как Зимобор и Зорко упражняются, сражаясь вместо мечей на палках. Молодой купец сам попросил Зимобора поучить его, потому что сразу увидел, что у смолянина есть чему поучиться. Даже вооруженный простой палкой, Зимобор очень ловко успевал прикрыться щитом от любого выпада и найти неприкрытое место у соперника. Каждое его движение было быстрым, четким, осмысленным – драться для него было так же естественно, как для птицы летать.

– Ты бы еще моих обалдуев поучил, – попросил его запыхавшийся Зорко, – а то нападут, сохрани Попутник, а они только палками и могут... Машут, как цепями на току, разве же это драка!

После двух голодных зим купеческая дружина, потощавшая и ослабевшая, и впрямь выглядела не слишком грозно. Многие ратники впервые в жизни забрались так далеко от родных мест. Молодой кожемяка по прозвищу Костолом нанялся в дружину к Домораду, потому что в полуразоренном городе не хватало работы и отец не мог всех прокормить, но был вполне доволен переменой в судьбе, он еще раньше, в Полотеске, наслушался рассказов бывалых людей и тоже хотел посмотреть мир. Сивак, Печурка и Неждан, наоборот, прожили жизнь в глухих родовых поселочках, но в самую голодную пору были проданы своими старейшинами

²⁴ Знаменитый путь «из варяг в греки» начал функционировать на рубеже VIII и IX веков, то есть по тем временам совсем недавно.

²⁵ В смысле уехать из дома на целый год.

²⁶ То же, что травница, то есть женщина, знающая свойства трав. От слова «зелие» – трава.

в холопы к купцу в обмен на еду. Эти трое, особенно двое последних, еще совсем молодые парни, поначалу шарахались от каждого незнакомца и искренне считали, что уже заехали на тот свет, раз так далеко от дома.

– Этот совсем дикий! – оживленно рассказывал Зимобору Костолом, как городской человек городскому, кивая на Неждана. – У них, слышь, еще в глуши на сестрах женятся, потому что все чужие – вроде как лешие!

– Сам ты леший! – злобно отвечал Неждан. По нему было видно, что продали его совсем не от хорошей жизни: он и сейчас еще был истощен, под глазами на бледном лице вечно темнели круги. – У нас стариками все заповедано: из каких родов можно брать невест, из каких нельзя. А если нельзя, значит, нечистый род.

– А на сестре нельзя жениться, – подтверждал и Сивак. – У нас вот, чтобы злого дела не случилось, пока мальчонка еще маленький, его в материнский род отправляют на воспитание, а там ему невесту подбирают. У нас все по порядку, как богами научено, дедами завещано. Это у вас там в городе все перемешано: хоть водяница из реки вылезь, вы и ее за девку примете!

– Да что же она не лезет? – Таилич бросил мечтательный взгляд на реку. – Хоть бы и водяница, я бы...

О девушках им оставалось только мечтать: жениться пока никому было не по средствам.

Из оружия все они привыкли держать в руках рабочий топор, охотничий лук да рогатину. Утешало только то, что разбойники, которые могли на них напасть, будут вояками ничуть не лучше и в руках у них будут те же рабочие топоры.

К следующему утру Доморад почувствовал себя настолько хорошо, что велел двигаться дальше. За день два струга прошли остаток пути до устья Гостилки, переночевали в маленьком рыбацьем селе, а завтра поднялись по реке почти до истоков, где стоял погост под названием Новогостье, принадлежавший полотескому князю. Выше него река уже не была судоходной, и от Новогостья была проложена гать, струги и товары за две версты по лесу доставляли к другому городку, Радегощу. Он стоял на реке Выдренице, по которой можно было плыть дальше, к реке Оболянке, а с нее на Западную Двину.

Городок Новогостье был невелик и тесен – весь он умещался на мысу, отделенном от берега высоким, но обветшавшим частоколом. Внутри укрепления располагались только длинные дружинные избы, конюшни и амбары для собранной дани. Здесь же стоял тиунов двор: в одной клетке и горницах жил сам воевода с домочадцами, вторая предназначалась для князя или воеводы, возглавляющего полюдь. За частоколом беспорядочно выстроилось сельцо, где жили в основном рыбаки, землепашцы и несколько ремесленников. На пригорке стояло маленькое святилище с дубовыми идолами, у которых были грубо обозначены только лица. Но оно выглядело заброшенным: оба местных волхва умерли последней зимой, замены им пока не нашлось. Зорко, как заботливый сын, сразу стал искать для отца травника, но местные жители качали головами:

– Как наши-то двое померли, сами за помощью на сторону ходим. Или к Иловичам, там, за бором, они живут, у них старик хорошо травы знает, или к Елаге в Радегощ. Только в Радегощ сейчас не очень-то дойдешь...

Здесьний воевода, разумеется, взял с полочан пошлину за постой и проезд, но при этом задумчиво и даже где-то растерянно почесывал дремучую бороду.

– Гать-то она, конечно, никуда не делась, – говорил он в ответ на расспросы Доморада о дороге. – Куда она денется, ее ж не украдешь... Только езды по ней мало, сами знаете почему – обветшала. Кое-где, люди говорят, совсем сгнила. Лешие, что ли, на ней пляшут, совсем, говорят, местами пропала гать...

– А что ж не чинишь? – Доморад огорченно хлопнул себя по бокам. – Ты, мил человек, для чего тут князем поставлен? Ты вот с меня пошлину взял, а за что же ты ее взял, если я дальше ехать не могу? Ты же за дорогой поставлен следить, вот и следи!

– Да не прикажешь ведь ей не гнить! Оно так положено...

– Ей гнить положено, а тебе чинить! Что же ты не чинишь?

– А с кем я ее чинить буду? Людей у меня – полторы калеки, на двоих одна нога! Думаешь, столько у меня тут раньше людей было? Не видел, сколько изб пустых стоит, и в городе, и там, над речкой? У вас там, в Полотеске, может, богато живут, а мы тут чуть все не перемерли! Не сам же я пойду тебе в лес с топором!

– А чего же и не сам? У тебя-то руки-ноги целы, от слабости вроде не шатаешься! А как князь с полюдьем поедет? Не проедет ведь по твоей гнилой гати, тебе же и настучит по хребту! Давно вы тут князя не видели, забыли, какая рука у него тяжелая!

Но воевода только ворчал что-то, почесывая в бороде. До полюдья было еще далеко, а в душе он надеялся, что князь вообще не станет забираться в такую глушь.

– В баню сходи, что ли, чего скребешься! – в сердцах бросил Доморад и пошел к своим людям.

На другое утро выехали. Оба струга поставили на катки, товар переложили на волокуши, в которые, за неимением лошадей, впряглись те же Сивак, Печурка, Костолом и прочие. Зимобор и Зорко тащили оглобли наравне со всеми, и только Доморад, по причине большого сердца, шел впереди налегке, внимательно оглядывая дорогу.

Дорога и правда была хуже некуда. Через каждый десяток шагов приходилось останавливаться. Большинство, к своей радости, получали передышку, а кто-то брал топор и шел в березняк вырубить несколько жердей, чтобы подложить в расплзающуюся под катками гать. Места были низкие, болотистые. Иной раз приходилось всей толпой собирать хворост, рубить кусты и подлесок, чтобы хоть чем-то прикрыть лужи и жидкую грязь. Однажды струг сорвался с катков и засел носом в топи – еле выволокли и потом долго отдыхали. Все были мокрые, по пояс и по грудь в болотной грязи и тине.

В полдень остановились передохнуть и подкрепиться. По всему выходило, что прошли не больше версты. Но чем дальше, тем дорога становилась хуже. Трава росла между бревнами рассыпающейся трухлявой гати, кое-где вовсю торчал подлесок, и можно было подумать, что здесь никто не ездил уже лет десять.

– Соловей-разбойник, что ли, тут завелся! – ругался Доморад. – Совсем плохая дорога, как будто сто лет заброшена! Так и жду, что костяки и черепа попадутся!

– Ой, батюшка, не говори! – морщился Зорко, которому совсем не хотелось увидеть что-то подобное. Он был благоразумен и вовсе не мечтал о приключениях.

Пока люди отдыхали, Зорко прошел немного вперед посмотреть дорогу, потом вернулся и позвал Зимобора. Шагов через двадцать расплзающаяся гать так густо заросла всякой болотной травой, что ее едва было видно.

– Что за леший! – Зорко озадаченно чесал затылок. Раскрасневшийся, искушенный комарами, со слипшимися от пота светлыми волосами, по плечи забрызганный болотной грязью, он сейчас совсем не напоминал богатого купеческого сынка и служил живым доказательством того, что богатство достается не задаром. – Да ведь перед самой этой зимой проклятой мы тут ездили с отцом, гать была хорошая. А теперь – чисто чашоба. Как будто тут не две версты, а двадцать до ближайшего жилья. Впору «ау!» кричать.

– Как бы нам не заблудиться, – заметил Зимобор. Сам он тут не бывал уже лет восемь, поскольку в Полотеске не ездил со времен своего сватовства к тамошней княжне и местности не знал совсем. – А то подумай, каково будет такую тяжесть не в ту сторону волочь.

– Я повешусь! – взвыл Печурка.

– Надо пройти вперед еще, посмотреть, – предложил Голован, почти лысый, большеголовый, немного горбатый, но очень сильный мужик. – Давай, Таилька, ты туда, к березкам, а я сюда, за елками пройду. Кто дорогу найдет, кричи.

– Да осторожнее, в топь не угодите! – предостерег Доморад. – Вы лучше по двое идите, не по одному! Если что, один другого вытащит или хоть «на помощь!» закричит.

Как ни хотелось уставшим людям отдохнуть подольше, тащить струги и волокуши неизвестно куда хотелось еще меньше, поэтому почти все пустились искать дорогу. А дорога шалила: в разные стороны расходилось несколько вроде бы тропинок, везде проглядывали сквозь мох остатки трухлявых бревен, белели в сплетенных травах огромные куски березовой коры сгнивших стволов, еще сохраняя круглую форму, точно половинки бочонков самого лучшего. Искали, аукались, пытались нащупать хотя бы направление, в котором мостить себе гать. Ночевать на чужом болоте никому не хотелось.

Зимобор сначала шел вместе с Радеем, холопом Доморадова двора, потом тот, утомившись, присел на пенек и махнул рукой:

– Ты иди, а я передохну малость. Всю спину изломал с этим катком проклятым. А тут еще леший над нами потешается!

– Смотри не ругайся, а то и назад не выйдешь! – предостерег Зимобор. – Ведь услышит. Радей только махнул рукой.

Зимобор пошел один. И вскоре понял, что ему повезло: под ногами больше не хлюпала вода, земля стала суше и тверже, жесткая болотная трава сменилась мягкой и низкой. Признаков гати не было видно, зато появилась тропинка – узенькая, но набитая, с обломанными корнями близко растущих деревьев, выступавшими из земли, что доказывало – тропинкой часто пользуются. А значит, к какому-нибудь жилью она приведет. Зимобор очень надеялся, что не увидит уже знакомый часток Новогостья и что люди с той стороны болота укажут, где найти ближний к ним конец гати. Может быть, воевода Радегоща лучше следит за своей частью торгового пути?

Поблизости раздалось побрякивание. В нем слышалось нечто, когда-то хорошо знакомое, но подзабытое. Зимобор огляделся и сначала не увидел ничего. Звук был все ближе. Наконец вспомнилось, на что он похож, – примерно так гремит ботало, то есть колоколец, который вешают на шею скотине, пасущейся в лесу. Но после голодных годов скотины осталось мало, и этот звук стал редкостью. Зимобор заторопился вперед: где корова, там ведь и пастухи.

Из-за куста выдвинулось что-то большое и темное, так что Зимобор, вздрогнув, отступил и схватился за меч – медведь, что ли? Но нет – на Зимобора глянула широкая горбоносая морда, большие уши подергивались быстрой мелкой дрожью... Это был молодой, примерно годовалый, лось, видимо бычок. Он деловито объедал ветки маленьких березок и ничуть не встревожился, увидев человека. На шее у него висело то самое ботало, привязанное некогда красной, а теперь совсем выцветшей ленточкой.

Чуть в стороне послышался шум раздвигаемых веток, и из-за кустов выскочил мальчишка лет девяти, в длинной серой рубашонке, похоже перешитой из женской. В руке он держал длинный стебель травинки с нанизанными на нее розоватыми, иногда с красным бочком, ягодами едва созревшей земляники, жесткой и безвкусной, пригодной только для всеядных мальчишек. На ходу он внимательно шарил глазами в траве под ногами, выискивая земляничные кусты.

– Давай сюда, я тут еще нашел! – закричал он кому-то назад и хотел уже пасть на колени возле желанных зеленых кустиков, но тут заметил Зимобора.

Зимобор вдохнул было, чтобы поздороваться и спросить, куда он вышел, но мальчишка вдруг заорал широко открытым ртом и опрометью бросился бежать, не выронив, однако, крепко зажатый в кулаке стебель с ягодами. Зимобор недоуменно оглянулся, проверяя, не возникло ли у него за спиной что-нибудь ужасное. Ничего нет – мальчишка его испугался. За разбойника, что ли, принял?

Пожав плечами, Зимобор пошел по тропинке в ту сторону, куда убежал мальчишка. Вскоре за деревьями посветлело, и он вышел на опушку.

Перед ним лежало не село, а целый городок: детинец на холме и несколько посадских улочек под ним. Видимо, это и был Радегощ, поскольку других городов в этой округе не имелось. Выскочив из леса, тропка переходила в первую улочку, а сразу от опушки уже начинались поля. На длинных полосках зеленели всходы пшеницы, ржи, ячменя.

У самого леса возле тропинки был вырыт колодец со срубом и двускатной крышей над ним, а по тропинке от колодца к городку шла девушка в белой рубахе, составлявшей всю ее одежду. Из-под самого подола длинной рубахи мелькали босые ступни, а толстая, длиной до колен, темно-русая коса плавно покачивалась. На плече девушка несла коромысло с двумя ведрами воды, но шла с этой ношей так легко, спокойно, так плавно, словно танцевала, – и Зимобор безотчетно залюбовался ею, еще не видя лица.

«Никого не смей любить!» – дохнуло вслед ему из леса, и холодок пробежал по спине. Зимобор оглянулся: вслед ему смотрели только молодые березки и кусты орешника, но они покачивались на ветру, словно грозили множеством зеленых рук. Они следили за ним, за его шагами, даже мыслями, и он вздрогнул, вспомнив о Младине и снова осознав, как он слаб и незащищен перед своей неземной возлюбленной. Он был в полной ее власти, ей были открыты все его тайные помыслы, все мимолетные чувства, и даже на такую безделицу, как одобрительный взгляд на красивую девушку, он больше не имел права.

Зимобор двинулся по тропинке, которая уже стала улочкой и тянулась вдоль ряда тынов. Раз уж ему повезло выйти в Радегощ, то имеет смысл найти кого-нибудь из старейшин и попросить помощи для застрявших в болоте купцов.

Он прошел почти всю улицу, когда спереди стал доноситься неясный шум – какие-то крики, отрывочные вопли. Идущая впереди девушка тоже прислушивалась, сперва замедлила шаг, потом пошла быстрее. Ведра на ее коромысле закачались, вода блестящими крупными каплями посыпалась на утоптанную землю. Зимобор тоже прибавил шагу. Девушка уже дошла до своих ворот, остановилась у приоткрытой створки, но, держась рукой за большое кольцо, смотрела все туда же, вдаль по улице.

– Тетка! Тетка Елага! – кричал кто-то за углом тына, и прямо на девушку у ворот вдруг выскочил подросток лет четырнадцати, в распоясанной серой рубахе и со всклокоченными волосами. – Дивина! Где тетка? – кричал он, едва переводя дух. – Давай скорее ее! Там гончарные с кожемяцкими сцепились, перебьют! Горденя со своим вязом так и косит, так и косит! Будениных парней в ручей загнал! Зови, говорят, скорее Елагу, а то живыми не быть! К воеводе за дружиной побежали!

– Так ведь нет ее, она с рассвета за березняк пошла! – вскрикнула девушка, живо опуская ведра наземь и освобождая коромысло. – Ну, беда!

С этими словами она кинулась бежать, и подросток припустился за ней. Ничего не понимая, Зимобор ускорил шаг: на улице все равно больше некого было спросить, где искать кого-нибудь из старост. Тем более что нужда в помощи, судя по всему, возникла не только у него.

За углом он увидел площадь, от которой тропа поднималась к воротами детинца. На площади бурлила толпа, раздавались крики. По возам и волокушам, расставленным тут и там, по обилию людей, похожих скорее на лесовиков, чем на городских жителей, Зимобор определил, что сегодня тут, видимо, день торга. А в торговый день, как известно, не работают, а гуляют, а гульбы не бывает без стенки, когда сборные дружины посадских улочек выходят помериться силой. В Смоленске был тот же обычай, и князя поощряли его, поскольку боевой дух и какая-никакая выучка очень пригодятся, когда придется собирать ополчение. В большом городе и побоища случались большие, а здесь стенки состояли из десятка-другого бойцов с каждой стороны. Растрепанные, запыхавшиеся, местами окровавленные стеночники виднелись в толпе по сторонам: кого-то родные уже пытались перевязывать, поить и умывать, но большинство рвались вместе со всеми к речке, протекавшей с другой стороны площади.

Здоровенный парень в праздничной рубахе, когда-то зеленой, а сейчас вылинявшей и отчаянно измятой, с красным плетеным поясом, стоя у самой воды, всюю орудовал длинной нетолстой дубинкой, которая бытовала при стеночных боях и обычно называлась вязом, хотя и не обязательно делалась из вяза. Его рубаха, взмокшая и потемневшая от пота, была разорвана снизу у полы. Противниками его было четверо или пятеро парней и молодых мужчин, стоявших уже по колена в воде и кое-как отбивавшихся; но расходившийся боец бил и бил своим вязом, доставая всех сразу и понемногу загоняя их все дальше. Вот под особенно удачным ударом один из противников упал спиной в воду и забил руками, пытаясь приподняться – там было уже достаточно глубоко. Еще кто-то сидел и полулежал на берегу, придерживая окровавленную голову. Народ вокруг вопил: где-то раздавались смех и одобрительные крики, где-то причитали женщины.

– Давай, Горденюшка, лупи их, родимый! – во всю мочь голосил тщедушный старикашка с длинной реденькой бородкой, подпрыгивая, похлопывая себя по бедрам, словно плясал. – Налегай, завязывай! Узнают горшечники наших!

– Так им! – голосил рядом еще какой-то посадский. – Попомнят пословицу: бей по роже, да не тронь одежи!

– Да уймите же вы его, бурелома, перебьет, перекалечит! – совсем рядом кричали испуганные женщины. – Ошалел малый! Леший в него вселился!

Зимобор, достаточно опытный в делах такого рода, мельком глянул на женщину, сказавшую это. Она была права: удалой Горденя сейчас себя не помнил, в нем проснулся тот неукротимый и неосознаваемый боевой дух, который роднит воина и зверя. У варягов бойцы, умеющие пробуждать этого зверя в себе, пользуются известным почетом, хотя не сказать чтобы любовью; у славян ими немного брезговали, хотя иные князья и воеводы старались держать у себя в дружине хотя бы одного-двух таких. Горденя, как видно, и впрямь сумел дозваться Перуна и сейчас не помнил себя. В таком состоянии убивают, не замечая, а после горько каются. И даже очень умелый воин подумает, прежде чем выйти против такого, – против этой стихийной силы и выучка не очень-то помогает.

Но девушка, за которой Зимобор сюда пришел, не тратила времени на раздумье, а как бежала, так и кинулась прямо к Гордене. Народ на площади не успел и ахнуть, увидев ее, как она уже оказалась за спиной у ошалевшего бойца и со всего размаху ударила его своим коромыслом по голове. Зимобор диву дался, видя ловкий, умелый, привычный замах, сильный удар и, главное, неукротимую решимость, не уступавшую Гордениной ярости. Показалось, что он слышит тяжелый звук удара, – и вяз остановился в поднятых руках Гордени. Мгновение тот постоял, как замороженный, потом качнулся, потом стал поворачиваться...

И тут уже Зимобора что-то толкнуло вперед: та же неосмысленная сила, которая вывела его из-под внезапного удара возле кургана на темном Княжеском поле, подсказала, что сейчас будет. Сейчас Горденя развернется и опустит свой вяз на голову того, кто окажется позади. А уж потом, может быть, посмотрит, кто это.

Как сам Рарог, Огненный Сокол, Зимобор с разбегу прыгнул на могучие плечи Гордени, мокрые от пота и горячие, как натопленная печка, опрокинул его на песок, лицом вниз, и заломил за спину руку с вязом.

Толпа вокруг при его внезапном появлении резко вскрикнула, и даже девушка, отскокившая было в сторону, изумленно глянула на него.

– Воды дайте! – заорал Зимобор, зная, что дорого каждое мгновение.

Девушка, к счастью, поняла его: схватив ведро, из которого старик со старухой умывали рыжего мужика, она опрокинула его над обоими противниками. Большая часть попала на Зимобора, но и Гордене немало досталось, и холодная вода помогла тому прийти в себя. Оглушенный и изумленный, он не сразу понял, отчего упал, откуда взялся тот, кто сидит над ним. Дернувшись, Горденя охнул и замер: его держали крепко, и попытки вырваться только

причиняли напрасную боль. Парень что-то промычал, толпа вокруг замолкла, пораженная и недоумевающая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.